

ВЕСЬ СТЕНЛИ ДЖОН УАЙМЕН

ПОД КАРДИНАЛЬСКОЙ МАНТИЕЙ

Глава 1. В игорном доме

— У вас крапленые карты!

Нас окружало человек двадцать, когда этот глупец, мало зная, с кем он имеет дело, и не умея проигрывать, как подобает настоящему дворянину, бросил мне в лицо эти слова. Он думал, я готов в этом присягнуть, что я тотчас начну кипятиться, кричать и выходить из себя, как петух. Но он плохо знал Жиля де Бери. В первую минуту я не удостоил его даже взглядом. Вместо ответа я осмотрел, улыбаясь, кольцо окружавших нас лиц и увидел, что мне некого бояться, кроме де Помбаля. Только тогда я поднялся с места и посмотрел на глупца с таким суровым видом, который всегда производил впечатление и на более солидных и умных людей.

— Крапленые карты, мосье англичанин? — сказал я с холодной усмешкой. — Но ими, я слышал, обманывают игроков, а не невоспитанных молокососов.

— А все-таки я утверждаю, что у вас крапленые карты! — горячо ответил он со своим смешным акцентом. — В последний раз у меня не

было ничего, и вы как раз удвоили ставку. Очевидно вы знали это. Вы меня обманывали!

— Нетрудно вас обмануть, когда вы играете спиной к зеркалу, — насмешливо возразил я.

При этих словах вокруг раздался оглушительный хохот, который, наверное, был слышен на улице. Даже те из присутствовавших, которые до сих пор не обращали внимания на нашу ссору, заинтересовались и подошли к нашему столу. Но я сохранял прежнее суровое выражение лица. Выждав, пока в комнате опять водворилась тишина, я жестом руки отстранил заграждавших дорогу и указал на дверь.

— За церковью св. Якова есть дворик, — сказал я, надевая шляпу и застегивая плащ. — Вы, конечно, не откажетесь сопровождать меня туда?

Он тоже схватил свою шляпу.

— С удовольствием, — воскликнул он вне себя от стыда и гнева. — Хоть к самому дьяволу, если вам угодно!

Я уже считал дело улаженным, как вдруг маркиз взял молодого человека за руку и удержал его.

— Этого не будет, — сказал он, обращаясь ко мне со своим величественным видом вельможи. — Вы знаете меня, де Бери. Дело зашло уже достаточно далеко.

— Слишком далеко, де Помбаль, — с горечью

ответил я. — Но если вам угодно занять место своего друга, я ничего против этого не имею.

— Потише, пожалуйста, — презрительно ответил он. — Я знаю вас. Я не связываюсь с людьми вашего сорта и не вижу в том надобности для этого господина!

— Конечно, — сказал я, низко кланяясь, — если он предпочитает быть избитым на улице палкой.

Это задело маркиза.

— Будьте осторожнее! Будьте осторожнее! — сердито закричал он. — Вы забываетесь, Беро!

— Де Беро, с вашего позволения, — возразил я, пристально глядя на него. — Моя фамилия имеет частицу «де» так же давно, как и ваша, де Помбаль!

Он не мог этого отрицать и ответил, все еще не выпуская руки своего друга:

— Как вам угодно. Таков, по крайней мере, мой совет. Кардинал запретил дуэль, и на этот раз он не позволит с собою шутить. Вы уже имели однажды немало хлопот, хотя и отделались счастливо. Во второй раз дело может принять худший оборот. Поэтому лучше оставьте этого господина в покое, мосье де Беро. Да, наконец, как вам не стыдно! — воскликнул он с горячностью. — Ведь он еще юноша!

Два или три человека позади меня захлопали в ладоши при этих словах. Я обернулся, посмотрел на

них, и они притихли, как мыши.

— Мне нет дела до его возраста, — сурово возразил я. — Минуту тому назад он считал себя достаточно взрослым, чтобы оскорбить меня.

— И я докажу справедливость своих слов! — воскликнул юнец, теряя терпение.

Он был очень горяч, и маркиз все это время с большим трудом сдерживал его.

— Вы мне оказываете плохую услугу, — продолжал он, сердито отстраняя руку де Помбаля. — С вашего позволения, мы с этим господином dokonчим наше дело!

— Вот это лучше, — сказал я, кивая головой, меж тем как растерявшийся маркиз, нахмутив брови, отступил в сторону. — Позвольте мне пройти вперед.

Игорный дом Затона находился в ста шагах от церкви святого Якова Мясников, и половина гостей пошла вслед за нами. Вечер был сырой, на улицах было темно, грязно и скользко. Улица св. Антуана была почти пуста, и кучка людей, которая днем неминуемо обратила бы на себя всеобщее внимание, осталась незамеченной: мы беспрепятственно вступили на мощный треугольник, расположенный позади церкви. В отдалении я увидел одного из кардинальских стражников, который медленно слонялся взад-вперед перед лесами, еще окружавшими новый

дворец Ришелье. Вид его мундира заставил меня на минуту остановиться в нерешительности, но отступить было уже поздно.

Англичанин начал раздеваться. Я, наоборот, застегнулся до самого горла, так как было очень свежо. Между тем как мы делали свои приготовления и большая часть наших спутников обнаруживала желание держаться подальше от меня, я почувствовал на своем рукаве прикосновение чьей-то руки и, обернувшись, увидел маленького портного, у которого я в то время нанимал квартиру на Мыловаренной улице. Появление этого субъекта было очень несвоевременно, если не сказать больше. Дома, за неимением лучшего общества, я иногда позволял ему обращаться со мною довольно фамильярно, но я вовсе не желал, чтобы он ставил меня в неловкое положение перед благородными людьми. Я поспешил оттолкнуть его и сердито нахмурил брови, надеясь, что это заставит его хранить молчание. Но последнее оказалось невозможным, и мне волей-неволей пришлось заговорить с ним.

— После, после, — торопливо произнес я. — Я теперь занят.

— Ради Бога, не делайте этого! — воскликнул болван, снова хватаясь за мой рукав. — Не делайте этого! Вы навлечете беду на весь дом. Ведь он почти еще мальчик, и...

— Ты тоже? — закричал я, теряя терпение. — молчи, бездельник! Что ты понимаешь в спорах благородных людей? Оставь меня, слышишь?

— Но кардинал! — воскликнул он дрожащим голосом. — Кардинал, господин де Бери! Человек, которого вы недавно убили, еще не забыт. На этот раз кардинал ни за что...

— Оставь меня, слышишь? — прошипел я, потому что бесстыдство этого человека превосходило всякие границы и возбуждало во мне такое же омерзение, как и его противный голос. — Прочь! Я вижу, ты просто боишься, что он убьет меня, и ты потеряешь свои деньги.

Фризон отскочил от меня, словно получив удар бича, а я обернулся к своему противнику, который с нетерпением ожидал конца этого разговора. Признаюсь, ужасно молодым показался он мне, когда я увидел перед собой в эту минуту его обнаженную голову и светлые волосы, ниспадавшие на его гладкий, женский лоб, настоящим мальчиком, только что выпущенным из Бургундской коллегии, если только есть у них в Англии такие коллегии. Мороз пробежал у меня по телу. Какое-то угрызение совести, страх, предчувствие пронеслись во мне. Что сказал мне этот карлик-портной? Чтобы я не... Но что он за советчик? Что он понимает в подобных вещах? Если я отступлю на этот раз, то мне придется

убивать ежедневно по человеку или же оставить Париж, игорный дом и умереть где-нибудь от голода.

— Прошу извинения, — сказал я, обнажая шпагу и становясь на место. Должен же был проклятый кредитор застигнуть меня так некстати! Теперь я к вашим услугам.

Он отдал честь, и мы скрестили шпаги. С первого же момента я не сомневался в исходе нашей дуэли. Скользкие камни и слабый свет давали ему, правда, некоторый шанс, некоторую выгоду, более того, чем он заслуживал, но как только я коснулся его лезвия, я понял, что он новичок в искусстве владеть шпагой. Быть может, он взял с полдюжины уроков фехтования и затем упражнялся с каким-нибудь англичанином, таким же тяжелым и неповоротливым, как и он. Но это было все. Он сделал несколько смелых, но очень неловких нападений, и когда я удачно отпарировал их, для меня исчезла всякая опасность; он был всецело в моей власти.

Я стал играть им, следя, как пот выступал у него на лбу, и ночной мрак, словно тень смерти, все гуще и гуще падал на его лицо. Мною руководила не жестокость, — Бог свидетель, что я никогда этим не грешил, но в первый раз в жизни я чувствовал странное нежелание нанести удар. Мокрые кудри прилипали к его лбу, дыхание судорожными

толчками вырывалось из груди. Я слышал за своею спиной ропот, кто-то даже не удержался от громкого проклятия... И вдруг я поскользнулся, поскользнулся и в один миг очутился лежащим на правом боку, ударив правый локоть о мостовую так сильно, что рука у меня онемела до самой кисти.

Он остановился. Десяток голосов закричал:

— Ну, теперь он ваш!

Но он остановился. Он отступил назад и, опустив шпагу, ждал с сильно вздымавшейся грудью, пока я не поднялся на ноги и снова не закрылся своей шпагой.

— Довольно, довольно! — раздался позади меня грубый голос. — Неужели и после этого вы не оставите его?

— Будьте осторожны, сударь, — холодно сказал я, потому что он продолжал стоять в нерешительности. — Это была простая случайность. Не рассчитывайте на нее в другой раз.

Несколько голосов закричали:

— Как вам не стыдно?

Кто-то крикнул даже:

— Подлец!

Англичанин выступил вперед, пристально глядя на меня своими голубыми глазами, и безмолвно занял свое место. На его напряженном белом лице я читал, что он готов на все, даже на самое худшее, и его мужество приводило меня в

такое восхищение, что я был бы очень рад, если бы кто-нибудь из зрителей, любой из них, занял бы его место. Но это было невозможно. Я вспомнил о том, что двери игорного дома будут теперь навсегда закрыты для меня, вспомнил об оскорблении, нанесенном мне Помбалем, о насмешках и обидах, которые я всегда смывал кровью, — и, с силой ударив по его лезвию, я пронзил англичанина насквозь.

Когда он упал на камни мостовой, вид этих полузакрытых глаз и этого лица, блевшего в темноте ночи, — не скажу, чтобы я долго смотрел на него, потому что через секунду дюжина товарищей стояла подле него на коленях, заставил мое сердце непривычно сжаться. Но это продолжалось лишь одно мгновение. Я увидел вокруг себя кольцо нахмуренных и сердитых лиц. Держась на почтительном расстоянии от меня, люди шипели, проклинали меня, угрожали, называя черною смертью и тому подобными эпитетами.

Большая часть их была негодьями, собравшимися вокруг нас в продолжение поединка и следившими из-за ограды за всем происходившим. Одни рычали на меня, как волки, называя меня «мясником», «головорезом»; другие кричали, что Бери опять принялся за свое ремесло; третьи угрожали мне гневом кардинала, тыкали мне в лицо эдиктом и злобно заявляли, что идет стража

и что меня вздернут на виселицу.

— Его кровь падет на вашу голову! — с яростью кричал один. — Он умрет через час! На виселицу вас! Ура!

— Пошел прочь! — сказал я.

— Да, в Монфокон! — насмешливо ответил он.

— Нет, в свою конуру! — ответил я, бросив на него такой взгляд, что он поспешил попятиться назад, хотя нас разделял забор.

Стоя несколько поодаль, я тщательно вытирал свою шпагу. Я отлично понимал, что в такой момент человек не может рассчитывать на особенную популярность. Те, кто пришел со мной из игорного дома, косились на меня и, когда я вздумал подойти к ним, повернулись ко мне спинами. Те же, которые присоединились к нам позже, нисколько не были вежливее их.

Но мое самообладание нелегко было сломить. Я надел шляпу набекрень и, накинув на себя плащ, вышел с таким развязным видом, что подлые щенки разбежались врассыпную, не подпустив меня и на десять шагов. Толпа у забора рассеялась так же быстро, и через минуту я был на улице. Еще минута, и я убрался бы подобру-поздорову, как вдруг раздался барабанный бой. Толпа исчезла во мраке, а меня окружили со всех сторон кардинальские стражники. Я был немного знаком с

начальником отряда, и он вежливо приветствовал меня.

— Плохая история, мосье де Бери, — сказал он. — Человек умер, сказали мне.

— Ничего подобного, — ответил я веселым тоном. — Если это вас привело сюда, то можете спокойно идти домой.

— С вами, конечно, — сказал он, усмехаясь. — И так как идет дождь, то чем скорее, тем лучше. К сожалению, мне придется попросить вашу шпагу.

— Извольте, — ответил я с философским спокойствием, которое никогда не покидало меня. — Но мой противник не умрет, имейте это в виду.

— Дай Бог, чтобы это послужило вам на пользу, — сказал он тоном, который мне не особенно понравился. — Налево, ребята! В Шатле! Шагом марш!

— Бывают и худшие места, — сказал я и подчинился судьбе.

Мне уже случалось побывать в заключении, и я знал, что есть только одна тюрьма, из которой никто не может убежать. Но когда мне сказали, что мой знакомец получил инструкции отдать меня под стражу как обыкновенного преступника, уличенного в краже или убийстве в целях грабежа, признаюсь, у меня сердце упало. «Если мне удастся

добиться свидания с кардиналом, думал я, — все еще может хорошо кончиться. Но если мне не удастся, если дело будет ему представлено в ложном свете или, наконец, он сам будет в дурном настроении, тогда пиши пропало! В эдикте прямо сказано: смертная казнь!»

— Как? Опять, де Беро? — сказал он, поднимая брови. — Ну и смельчак же вы, если снова являетесь сюда. Старая история, вероятно?

— Да, но он не умер, — спокойно ответил я. — Пустяшная царапина! Это было за церковью Св. Якова.

— Ну, а мне он показался довольно мертвым, — заметил начальник стражи, который еще стоял тут.

— Ба! — презрительно ответил я. — А вы слышали, чтобы я когда-нибудь сделал ошибку? Если я намерен убить человека, я убью его. А теперь я именно старался не убить его. Стало быть, он останется жив.

— Надеюсь, что так, — ответил начальник тюрьмы с кислой улыбкой. — И вам советую надеяться на это, господин де Беро. Не то...

— Ну? — сказал я с некоторой тревогой. — Не то, любезнейший?

— Не то боюсь, что больше вам уже ни с кем не придется драться. Если даже он останется жив, я не очень уверен за вас, дружище. Кардинал твердо

решил положить дуэлям конец.

— Мы с ним старые друзья, — сказал я уверенным тоном.

— Я слышал, — ответил он с легким смехом. — Но то же самое говорили относительно Шале, хотя я не припомню, чтобы это спасло его голову.

Это было не слишком успокоительно. Но меня ждало еще худшее.

Рано утром получено было предписание содержать меня с особенною строгостью, и мне предложили выбрать между кандалами и одною из подземных камер. Я выбрал последнее и имел теперь полную свободу размышлять о многих вещах и, между прочим, о странном, непостоянном характере кардинала, который, как я знал, любил играть с человеком, как кошка с мышью, а также о дурных исходах, которые иногда наступают при самом легком и осторожном ранении груди. Я избавился от этих и им подобных неприятных мыслей, когда мне удалось получить на время пару костей. Так как свет, проникавший в темницу, был достаточен, чтобы различать число очков, то я по целым часам забавлялся, бросая кости, согласно некоторым мною самим выработанным правилам. Но долгий ряд метаний опроверг все мои вычисления и в конце концов привел меня к тому выводу, что самый ловкий игрок бессилен, если ему

упорно не везет. Такое соображение тоже не могло быть названо успокоительным при данных обстоятельствах.

В продолжение трех дней у меня не было другого общества и другого развлечения. Но в конце третьего дня подлый тюремщик, который был приставлен ко мне и который никогда не уставал твердить мне о виселице, явился ко мне уже не со столь уверенным видом.

— Может быть, вам угодно было бы получить воды? — вежливо спросил он.

— Для чего, негодяй?

— Умыться.

— Я просил вчера, но ты не подал мне, — проворчал я. — Впрочем, лучше поздно, чем никогда. Давай сюда! Если мне суждено быть на виселице, то я буду висеть, как порядочный человек. Но будь уверен, кардинал никогда не сыграет со старым другом такой гнусной шутки.

— А вам придется идти к нему, — возвестил он, подавая мне воду.

— Что? К кардиналу? — воскликнул я.

— Да!

— Отлично! — радостно вскричал я и тотчас принялся оправлять свое платье. — Значит все это время я был к нему несправедлив, — продолжал я. Да здравствует монсеньер! Многие лета маленькому епископу Люсонскому! Я должен был

предвидеть все это!

— Не радуйтесь наперед, — осадил меня тюремщик и затем продолжал: — У меня есть еще кое-что для вас. Ваш знакомый велел передать это вам.

И он подал мне пакет.

— Совершенно верно, — сказал я, глядя прямо в его воровское лицо. — И ты держал это у себя, пока мог, пока думал, что я буду повешен? Ты посмеешь это отрицать, плут? Оставь, не смей мне лгать! Скажи мне лучше, кто из моих друзей принес это.

Сказать по правде, в те времена у меня было уж не так много друзей, а десять крон, содержавшихся в пакете, говорили об очень стойком и преданном друге, — друге, которым смело можно было гордиться.

Негодяй злорадно усмехнулся.

— Маленький кривой человечек, — сказал он. — Что-то вроде портного.

— Довольно, — сказал я, но на лице моем отразилось разочарование. — Я понимаю! Честный парень, мой должник. Я очень рад, что он вспомнил о своем долге. Но когда я пойду к кардиналу, приятель?

— Через час, — мрачно ответил он.

Несомненно, он рассчитывал на одну из этих крон, но я был слишком старый воробей, чтобы

дать ему что-нибудь. Если я вернусь назад, я еще успею купить его услуги; если же нет, то не стоит тратить денег.

Тем не менее, немного времени спустя, когда я шел к дому Ришелье под таким многочисленным конвоем, что я ничего не видел на улице, кроме солдат, я жалел, что не дал тюремщику денег. В такие моменты, когда все поставлено на карту и горизонт подернут тучами, ум невольно хватается за приметы и старинные суеверия и склонен думать, что крона, данная в одном месте, может помочь в другом, хотя бы последнее находилось на расстоянии ста миль.

Дворец Ришелье в то время еще строился, и нам приказано было подождать на длинной пустой галерее, где работали каменщики. Здесь я простоял битый час, с беспокойством думая о странностях и прихотях великого человека, который тогда правил Францией в качестве главного наместника короля, со всеми королевскими полномочиями, и жизнь которого мне однажды удалось спасти, своевременно предупредив его об опасности. Он сделал в свое время кое-что, чтобы отблагодарить меня за эту услугу, да и после того иногда допускал меня к себе запросто, так что мы не были незнакомы друг Другу.

Тем не менее, когда дверь, наконец раскрылась предо мной и меня ввели к кардиналу,

мое самообладание подверглось сильному испытанию. Его холодный взор, который скользнул по мне, точно я был не человеком, а какой-то безличной величиной, стальной блеск его глаз заставили похолодеть мое сердце. Комната была почти пуста, пол не был покрыт ни ковром, ни подстилкой. Вокруг лежали в беспорядке свидетельства недоконченной столярной работы. Но этот человек не нуждался ни в каких декорациях. Его худощавое бледное лицо, его блестящие глаза, даже вся его фигура, — хотя он был невысокого роста и уже горбился в плечах, — могли привести в смущение самого смелого.

Я смотрел на него и вспоминал тысячу рассказов о его железной воле, холодном сердце, его непогрешимой хитрости. Он поверг брата короля, великолепного герцога Орлеанского, во прах. Он смирил королеву-мать. Двадцать голов, самых благородных во всей Франции, пошли благодаря ему на плаху. Лишь за два года перед тем он сокрушил Ла-Рошель, несколько месяцев тому назад он подавил восстание в Лангедоке, и в этом, 1630 году на всем юге, который лишился своих привилегий и еще продолжал кипеть недовольством, никто не осмеливался поднять на него руку, — по крайней мере, открыто. В тиши, конечно, ковались тысячи заговоров, тысячи интриг против его жизни и власти, но такова, как мне

кажется, судьба всякого великого человека.

Нет поэтому ничего удивительного в том, что мужество, которым я всегда гордился, мгновенно покинуло меня при виде кардинала, и я напрасно старался придать своему униженному поклону характер развязности и самообладания, приличествующих старому знакомству.

Быть может, это было к лучшему, потому что этот человек, кажется, совсем не имел сердца. В первую минуту, пока он стоял, глядя на меня и еще ничего не говоря, я считал себя безнадежно погибшим. В его глазах мелькнул огонек жестокого удовольствия, и, прежде чем он открыл рот, я знал, что он мне скажет.

— Лучшего примера не может быть, де Бери, — с гадкой улыбкой сказал он, глядя спину кошки, которая вспрыгнула на стол. — Вы старый слушник и будете превосходным примером. Не думаю, чтобы вами дело ограничилось, но вы послужите для нас залогом для более крутых мер.

— Монсеньер сам владеет шпагой, — пролепетал я.

Комната мне показалась темнее, воздух холоднее. Еще никогда в жизни я не был так близок к страху.

— Да? — сказал он с едва заметной улыбкой. — И потому?..

— Не будет относиться слишком строго к

проступку бедного дворянина.

— Бедный дворянин пострадает не более, чем богатый, — вкрадчиво ответил он, продолжая гладить кошку. — Можете утешиться этим, Беро. Это все, что вы можете сказать?

— Я оказал однажды услугу вашей эминенции, — сказал я с отчаянием.

— Вы уже не раз получали свою награду, — ответил он. — И не будь этого, я не призвал бы вас к себе.

— Помилуйте! — воскликнул я, хватаясь за соломинку, которую, казалось, он протягивал мне.

Он цинически засмеялся. Его тонкое лицо, темные усы и седеющие волосы придавали ему необыкновенно насмешливый вид.

— Я не король, — ответил он. — Притом, говорят, вы убили в дуэлях не менее шести человек. Заплатите за них королю, по крайней мере, одною жизнью... Больше нам не о чем говорить, Беро, — холодно закончил он, отворачиваясь и начиная перебирать лежавшие на столе бумаги! — Закон должен быть исполнен.

Я ожидал, что он сейчас подаст лейтенанту знак увести меня, и холодный пот выступил у меня по всей спине. Я уже видел пред собою эшафот, чувствовал на шее петлю. Еще мгновение, и было бы поздно...

— Позвольте просить у вас милости, — с

отчаянием пролепетал я. — Позвольте сказать вашей эминенции пару слов наедине.

— Для чего? — спросил он, снова оборачиваясь и устремляя на меня взор, исполненный холодного неудовольствия. — Я знаю вас, ваше прошлое, — все. Это вам не поможет, мой Друг.

— Ну так что ж? — воскликнул я. — Ведь это просьба умирающего, монсеньер.

— Это, положим, правда, — задумчиво ответил он.

Но он все еще колебался, и сердце у меня неистово билось. Наконец он поднял взор на лейтенанта.

— Можете оставить нас, — коротко сказал он и, по его уходу, продолжал: — Ну, в чем дело? Говорите скорее, что вам нужно. А главное — не думайте одурачить меня, Бери!

Но теперь, когда я добился своего и остался с ним наедине, пронизательный взор его глаз до такой степени смутил меня, что я не мог найти слов и, как немой, стоял перед ним. Должно быть это польстило ему, потому что его лицо немного утратило свое жестокое выражение.

— Ну? — сказал он опять. — Это все?

— Мой противник не умер, — пробормотал я. Он презрительно пожал плечами.

— Что ж из этого? Неужели только это вы и

хотели сказать мне?

— Я однажды спас вашей эминенции жизнь, — жалобно сказал я.

— Допустим, — ответил он своим тонким, резким голосом. — Вы уже упоминали об этом. Но, с другой стороны, насколько мне известно, вы сами отняли у нас шесть жизней, Бери. Вы вели и ведете жизнь буяна, убийцы, игрока, — вы, человек хорошего рода. Стыдитесь! Как же вы можете удивляться, что такая жизнь привела вас к этому? Впрочем, об этом я не желаю больше разговаривать, — коротко добавил он.

— Быть может, я еще когда-нибудь спас бы вашей эминенции жизнь! — воскликнул я под каким-то неожиданным наитием.

— Вам что-нибудь известно? — с живостью спросил он, устремляя на меня пристальный взор. — Но что я! — продолжал он, качая головой. — Старые штуки! У меня есть шпионы получше вас, Бери.

— Но нет лучше шпаги! — хриплым голосом закричал я. — Нет ни одной во всей вашей гвардии!

— Это правда, — медленно ответил он. — Это правда.

К моему удивлению, его тон изменился и взор опустился вниз.

— Пойдите-ка, я подумаю, мой друг.

Он прошелся два или три раза взад-вперед по

комнате. Кошка шла, поворачиваясь вместе с ним, и терлась о его ноги.

Я стоял, трепеща всем телом. Да, я должен сознаться, что руки и ноги у меня дрожали. Человек, для которого не существует никакая опасность, у которого сердце бьется спокойно перед лицом неизбежной смерти, почти всегда пасует перед неизвестностью. Внезапная надежда, которую пробудили во мне его слова, так потрясла меня, что его фигура заколыхалась у меня перед глазами. Я ухватился за стол, чтобы удержаться на ногах. Никогда даже в глубине своей души я не подозревал, что надо мною так неотвратимо нависла грозная тень Монфокона и виселицы.

Однако я имел время оправиться, потому что он не сразу заговорил. Когда же он заговорил, его голос звучал резко, повелительно.

— Вы имеете славу человека верного, по крайней мере, своему хозяину, сказал он. — Молчите! Я знаю, что говорю... Ну, и я вам верю. Я намерен дать вам еще один шанс, хотя самый отчаянный. Горе вам, если вы обманете мое доверие. Вы знаете Кошфоре в Беарне? Это недалеко от Оша.

— Не знаю, ваша эминенция.

— И не знаете господина Кошфоре?

— Никак нет, ваша эминенция.

— Тем лучше, — сказал он. — Но вы,

конечно, слышали о нем. Он участвовал во всех Гасконских заговорах со времени смерти покойного короля и наделал нам в прошлом году в Виваре больше хлопот, чем кто-либо другой за последние двадцать лет. В настоящее время он вместе с другими беглецами находится в Бососте, в Испании, но я получил сведения, что он очень часто навещает свою жену в замке Кошфоре, лежащем в шести милях от границы. Во время одного из этих приездов он должен быть арестован.

— Это легко, — сказал я.

Кардинал посмотрел на меня.

— Молчите! Вы не знаете, что такое Кошфоре. В замке имеются только двое или трое слуг, но вся деревня стоит за них как один человек, и это очень опасный народ. Ничтожная искра может опять поднять там целое восстание. Поэтому арест должен быть произведен тайно.

Я поклонился.

— Решительный человек, проникший в дом, — продолжал кардинал, задумчиво глядя на бумагу, лежавшую на столе, — с помощью двух или трех помощников, которых он мог бы призвать в нужную минуту, сумеет сделать это. Вопрос заключается в том, желаете ли вы быть этим человеком, мой друг?

Я сначала оставался в нерешительности, но затем отвесил поклон в знак согласия. Какой выбор

был у меня?

— Нет, нет, говорите прямо, — резко сказал он. — Да или нет, мосье де Беро?

— Да, ваше эминенция, — неохотно ответил я.

Повторяю, какой выбор был у меня?

— Вы доставите его в Париж живым. Он знает кое-что, и потому он мне нужен. Вы понимаете?

— Так точно, монсеньер.

— Вы проникнете в его дом, как сумеете, — выразительно продолжал он. Для этого вам потребуется изрядный запас стратегии, и хорошей стратегии. Они ужасно подозрительны. Вы должны обмануть их. Если вам не удастся обмануть их или ваш обман откроется не вовремя, я думаю, мне больше уже не придется иметь с вами дело или вторично нарушать свой эдикт. С другой стороны, если вы вздумаете обмануть меня, — прибавил он, и на его устах заиграла еще более тонкая улыбка, а голос понизился до какого-то мурлыканья, — то я подвергну вас колесованию, как и подобает такому неудачному игроку.

Я стойко выдержал его взгляд.

— Пусть будет так, — сказал я небрежно. — Если я не привезу господина де Кошфоре в Париж, вы можете подвергнуть меня колесованию и чему угодно.

— Прекрасно, — медленно произнес он. — Я

думаю, что вы не нарушите моего доверия. Что касается денег, то вот вам сто крон. Этой суммы будет достаточно. Но если вы выполните поручение, то получите еще вдвое больше. Теперь все, кажется. Вы меня поняли?

— Точно так, монсеньер.

— Чего же вы ждете?

— А лейтенант? — робко произнес я.

Кардинал усмехнулся и, присев к столу, написал на клочке бумаги несколько слов.

— Передайте ему это, — сказал он, придя в хорошее расположение духа. Как видно, мосье де Бери, вы никогда не получите заслуженного возмездия... в этом мире.

Глава 2. «Зеленый столб»

Кошфоре лежит в холмистой местности, поросшей дубом, буком и каштаном, в стране глубоких, устланных сухими листьями котловин и высоких, одетых лесами холмов. Лесистая местность, пересеченная холмами и долами, мало населенная и еще меньше обработанная, тянется вплоть до громадных снеговых гор, составляющих в этом месте границу Франции. Она кишит всевозможной дичью, — волками, медведями, оленями, вепрями. До конца своих дней великий король, говорят, любил эту провинцию и часто

вздыхал по каштановым рощам южного Беарна, когда годы и государственные дела ложились тяжелым бременем на его плечи. С террас Оша вы можете видеть, как лес, то блистая яркими красками, то утопая в тени, тянется по горам и долам к подножию снеговых вершин, и хотя я происхожу из Бретани и люблю запах соленого морского воздуха, однако я мало видел картин природы, которые могли бы сравниться с этою.

Была вторая неделя октября, когда я прибыл в Кошфоре и, спустившись с последнего лесистого склона, спокойно въехал под вечер в деревню. Я был один и целый день ехал по безмолвным лесным тропинкам, устланным красноватыми буковыми листьями, пересекая чистые, прозрачные речки и зеленые еще лужайки. Я чувствовал вокруг мирную, безмятежную деревенскую тишину, которой не знал со времени моего детства, и вот почему, а может быть и потому, что к предстоявшему мне делу у меня не лежало сердце, я немного повесил нос. Откровенно говоря, мне было поручено совсем не дворянское дело, как бы вы там на него ни смотрели.

Но для человека в моем положении выбора не было, и я знал, что мое уныние недолго будет продолжаться. В гостинице, в обществе других, под гнетом необходимости или в возбуждении охоты, раз последняя будет начата, это настроение

исчезнет бесследно. Пока человек молод, он ищет уединения, когда же он имеет за плечами большую половину жизни, он стремится убежать от нее и от своих мыслей. Поэтому я направился к «Зеленому столбу», маленькой гостинице на одной из деревенских улиц. Подъехав к дверям, я стал стучать рукояткой своего хлыста, ругая хозяина за то, что он заставляет меня дожидаться.

Там и сям из дверей бедных лачуг, стоявших вдоль улицы, которая представляла собою жалкое, убогое место, недостойное своего названия, на меня подозрительно поглядывали мужчины и женщины, но я сделал вид, что не замечаю этого. Наконец показался и хозяин. Это был белокурый парень, наполовину баск наполовину француз, и я не сомневаюсь, что предварительно он хорошенько оглядел меня из какого-нибудь окошка или отверстия своего дома, потому что он посмотрел на меня с какою-то мрачною сдержанностью, не выказывая никакого удивления при виде хорошо одетого путника, представлявшего настоящее чудо в этой глухой деревушке.

— Я, конечно, могу здесь переночевать? — спросил я, бросая поводья гнедого, который тотчас же опустил свою шею.

— Не знаю, — ответил тот с глупым видом.

Я указал на зеленый горшок, украшавший собою верхушку столба, водруженного против

дверей.

— Ведь это гостиница, я полагаю? — сказал я.

— Да, — медленно ответил он, — это гостиница. Но...

— Но она полна приезжих, или у вас вышли все припасы, или ваша жена больна, или что-нибудь в этом роде? — сердито сказал я. — А все-таки я переночую здесь, и вам ничего не остается, как примириться с этим, равно как и вашей жене, если она у вас имеется.

Он почесал себе затылок, недружелюбно глядя на меня. Но так как он ничего не сказал, то я сошел с коня.

— Где я могу оставить свою лошадь? — спросил я.

— Я отведу ее, — мрачно ответил он, выступая вперед и беря лошадь под уздцы.

— Прекрасно, — сказал я. — Но я пойду с вами. Долг порядочного человека — заботиться о своей лошади, и куда бы я ни ездил, я слежу за тем, чтобы моя лошадь получала хороший корм.

— Она получит, — коротко ответил он, но не двигался с места, очевидно, ожидая, чтобы я вошел в дом. — Жена моя там, — прибавил он, глядя на меня.

— *Imprimis*, если вы понимаете по латыни, мой друг, — сказал я, отведите лошадь в конюшню.

Он увидел, что ничего от меня не добьется,

медленно повернул гнедого и повел его на другую сторону улицы. Позади гостиницы находился сарай, который я уже раньше заметил и принял за конюшню. Меня удивило, что хозяин направился с моею лошадыю не туда, а на другую сторону улицы, но я промолчал, и через несколько минут гнедой был удобно водворен в лачуге, очевидно, принадлежавшей соседу хозяина гостиницы.

После этого хозяин повел меня назад в гостиницу, неся в руках мой дорожный мешок.

— Других приезжих у вас нет? — спросил я беспечным тоном (я знал, что он внимательно следит за мной).

— Нет, — ответил он.

— Очевидно, это не особенно бойкое место?

— Да.

В действительности это было более чем очевидно, и я могу сказать, что я никогда не видел более пустынного места. Лес, одевавший крутой склон, так навис над долиной, что я с удивлением спрашивал себя, как можно было бы выбраться отсюда, не будь той тропинки, которая привела меня сюда. Деревенские домики — жалкие, низенькие лачуги — тянулись в виде неправильного двойного ряда, часто прерываемого упавшими деревьями и плохо расчищенными лугами. Посредине извивался шумный горный поток. А жители — по большей части угольщики, свинопасы

и тому подобные бедняки — были под стать своим хижинам. Напрасно я искал взором замок Кошфоре. Его нигде не было видно, а спросить о нем я не решался.

Хозяин ввел меня в общую залу гостиницы — низенькую, убогую комнату без дымовой трубы и стеклянных окон, полную копоти и грязи. Чуть ли не целое дерево дымилось и тлело на каменном очаге, поднимавшемся не более фута от пола. Большой черный горшок кипел над огнем, а у окна сидел, развалившись, деревенский парень и разговаривал с хозяйкой. В темноте я не мог различить его лица. Отдав приказание женщине, я присел к столу в ожидании ужина.

Трактирщица была гораздо молчаливее, чем большинство женщин ее полета, но это, может быть, происходило оттого, что в комнате находился ее муж. Между тем как она хлопотала, собирая для меня ужин, он прислонился к дверному косяку и устремил на меня пристальный взор, который никоим образом не мог способствовать моему успокоению.

Хозяин был высокий, коренастый малый с щетинистыми усами и светло-русой бородой, стриженной на манер Генриха IV. Об этом именно короле, и только о нем — самый безопасный предмет разговора с беарнцем мне удалось вытянуть из него несколько слов. Но и при этом в

его глазах блеснул огонек подозрения, который побудил меня воздержаться от расспросов, и по мере того, как надвигалась ночь и пламя очага ярче и ярче играло на его лице, я все чаще подумывал о дремучем лесе, отделявшем эту глухую долину от Оша, и вспоминал предостережение кардинала, что в случае моей неудачи мне уже не придется беспокоить Париж своим присутствием.

Деревенский парень, сидевший у окна, не обращал на меня никакого внимания, да и я мало интересовался им, как только убедился, что он действительно то, чем казался на первый взгляд. Но спустя некоторое время в комнату, как бы на подмогу хозяину, явилось еще несколько человек, которые, по-видимому, не имели иной цели, как молча смотреть на меня и изредка перекидываться между собою отрывочными фразами на местном простонародном наречии. Когда мой ужин был готов, число этих плутов возросло уже до шести, и так как все они были вооружены большими испанскими ножами и были очень подозрительны, — то я почувствовал себя как человек, неосторожно всунувший голову в пчелиный улей.

Тем не менее, я сделал вид, что ем и пью с большим аппетитом, и в то же время старался не упускать из виду ничего, что происходило в кругу, освещенном тусклым светом дымной лампы. Во

всяком случае, я следил за лицами и жестами этих людей не менее внимательно, чем они за мною, и ломал себе голову над тем, как обезоружить их подозрительность, или, по крайней мере, как выяснить положение вещей. То и другое, однако, оказывалось гораздо труднее и опаснее, чем я когда-либо предполагал. Вся долина положительно была настороже для защиты одного человека, арест которого составлял мою цель.

Я нарочно привез с собой из Оша две бутылки отборнейшего арманьякского вина. Вынув их из седельных мешков, которые я принес с собою в комнату, я откупорил их и предложил кубок хозяину. Он принял его, и, когда он выпил, лицо его покраснело. Он неохотно возвратил мне кубок, и я налил ему вновь.

Крепкое вино уже начало свое действие, и спустя несколько минут он начал разговаривать более свободно и охотно, чем прежде. Однако и теперь он главным образом ограничивался вопросами — интересовался то тем, то другим, но и это было очень приятной переменой. Я рассказал ему, откуда я приехал, по какой дороге, сколько времени я пробыл в Оше и где останавливался, и лишь когда речь зашла о моем приезде в Кошфоре, я погрузился в таинственное молчание. Я только неявно намекнул, что имею дело в Испании, к друзьям, находящимся по ту сторону границы, и

дал таким образом крестьянам понять, что мои интересы солидарны с интересами их изгнанного господина.

Они поддались на эту удочку, подмигнули друг другу и стали смотреть на меня более дружелюбно, особенно трактирщик. Довольный этим успехом, я не осмелился идти дальше, чтобы как-нибудь не скомпрометировать и не выдать себя. Поэтому я переменял разговор и, чтобы перевести речь на более общие предметы, начал сравнивать их провинцию с моею родиной.

Хозяин, который тем временем уже совсем разговорился, не замедлил принять мой вызов и очень скоро сделал мне очень интересное сообщение. Дело было так. Он хвастался большими снеговыми горами южной Франции, лесами, которые одевают их, медведями, которые блуждают там, дикими кабанами, которые кормятся желудями.

— Ну что ж, — сказал я совершенно искренне, — таких вещей у нас действительно нет. Но зато у нас на севере водятся вещи, которых у вас нет. У нас есть десятки тысяч превосходных лошадей, не таких пони, каких вы здесь разводите. На конской ярмарке в Фекампе мой гнедой затерялся бы в массе лошадей. А здесь, на юге, вы не встретите ничего подобного ему, хотя бы вы искали целый день.

— Не говорите об этом так уверенно, — ответил хозяин, глаза которого заблестели от торжества и выпитого вина. — Что вы скажете, если я покажу вам лучшую лошадь в моей собственной конюшне?

Я заметил, что при этих словах остальные присутствующие вздрогнули, а те, которые понимали наш разговор (двое или трое говорили только на своем патуа), сердито посмотрели на него. Я тотчас стал смекать, но, не желая этого выказать, презрительно засмеялся.

— Я поверю вам только тогда, когда увижу это собственными глазами, сказал я. — Я даже сомневаюсь, любезнейший, чтобы вы могли отличить хорошую лошадь от дурной.

— Я не могу отличить! — повторил он, хмурясь. — Еще бы!

— Я сомневаюсь в этом, — упрямо повторил я.

— В таком случае, пойдете со мною, и я вам покажу, — сказал он, забыв прежнюю осторожность.

Его жена и прочие поселяне с изумлением посмотрели на него, но он, не обращая на них внимания, встал, взял в руку фонарь и отворил дверь.

— Идем, — продолжал он. — Так, по-вашему, я не могу отличить хорошей лошади от дурной? А я

вам скажу, что я лучше вашего понимаю толк в лошадях.

Я несколько не был бы удивлен, если бы его товарищи вмешались в дело, но, очевидно, хозяин играл между ними первенствующую роль. Во всяком случае, они хранили молчание, и через минуту мы были на дворе. Сделав несколько шагов в темноте, мы очутились около конюшни, той самой пристройки, которую я видел позади гостиницы. Хозяин откинул щеколду и, войдя внутрь, поднял фонарь вверх. Лошадь — хорошая бурая лошадь с белыми волосами в хвосте и белым чулком на одной ноге — тихо заржала и обратила на нас свои блестящие, влажные глаза.

— Вот вам! — воскликнул хозяин с торжеством, размахивая во все стороны фонарем для того, чтобы я мог лучше разглядеть коня. — Что вы скажете на это? По-вашему, это маленький пони?

— Нет, — ответил я, нарочно умеряя свою похвалу. — Довольно недурная лошадка... для этой страны.

— Для всякой страны, — сердито ответил он. — Для всякой страны, для какой угодно. Уж я недаром говорю это. Ведь эта лошадь... Одним словом, хорошая лошадь, — отрывисто закончил он, спохватившись, и, сразу опустив фонарь, повернулся к двери. Он так спешил оставить

конюшню, что чуть не вытолкал меня из нее.

Но я понял. Я догадался, что он чуть не выдал всего, чуть не проболтался, что эта лошадь принадлежит господину де Кошфоре. Господину де Кошфоре, понимаете? Я поспешил отвернуться, чтобы он не заметил моей улыбки, и меня несколько не удивила мгновенная перемена, происшедшая в этом человеке. Когда мы вернулись в залу гостиницы, он уж совершенно протрезвился и к нему вернулась прежняя подозрительность. Ему было стыдно за свою опрометчивость, и он до того был разъярен против меня, что, кажется, охотно перерезал бы мне горло из-за всякого пустяка.

Но не в моих интересах было затевать ссору. Я сделал поэтому вид, как будто ничего не замечаю, и, вернувшись в гостиницу, стал сдержанно хвалить лошадь, как человек, лишь наполовину убежденный. Злые лица и внушительные испанские ножи, которые я видел вокруг себя, были наилучшим побуждением к осторожности, и я льщу себя надеждой, что никакой итальянец не сумел бы притворяться искуснее меня. Тем не менее я был несказанно рад, когда вечер подошел к концу, и я очутился один на своем чердачке, отведенном мне для ночлега. Это был жалкий приют, холодный, неудобный, грязный; я взобрался туда при помощи лестницы; ложе мое, среди связок каштанов и яблоч, составляли мой плащ и несколько ветвей

папоротника. Но я рад был и этому, потому что здесь я был наконец один и мог на свободе обдумать свое положение.

Несомненно, господин де Кошфоре был в замке. Он оставил здесь свою лошадь и пошел туда пешком. По всей вероятности, так он делал всегда. Таким образом, в некотором отношении он был теперь для меня доступнее, чем я ожидал: лучшего времени для моего приезда не могло и быть; и все-таки он оставался столь же недосягаемым для меня, как если бы я еще был Париже. Я не только не мог схватить его, но даже не смел никого спросить о нем, не смел вымолвить неосторожного слова, не смел даже свободно глядеть вокруг. Да, я не смел, — это было ясно. Малейшего намека на цель моего приезда, малейшей вспышки недоверия было бы достаточно, чтобы вызвать кровопролитие, и пролита была бы моя кровь. С другой стороны, чем дольше я останусь в деревне, тем большее подозрение навлеку на себя и тем внимательнее будут следить за мною.

В таком затруднительном положении некоторые, быть может, пришли бы в отчаяние, отказались бы от предпринятой попытки и спаслись бы за границей. Но я всегда гордился своею верностью и решил не отступать. Если не удастся сегодня, попробую завтра; не удастся завтра, попробую в другой раз. Кости не всегда ложатся

одним очком кверху.

Подавив в себе малодушие, я, как только дом погрузился в тишину, подкрался к маленькому, четырехугольному, увитому паутиной и закрытому сеном слуховому окошку и выглянул наружу. Деревня была погружена в сон. Нависшие черные ветви деревьев почти закрывали от моих глаз серое, облачное небо, по которому уныло плыл месяц. Обратив свой взор книзу, я сначала ничего не мог разобрать, но, когда мои глаза привыкли к темноте (я только что погасил свой ночник), я различил дверь конюшни и неясные очертания крыши. Это меня очень обрадовало, потому что теперь я мог следить и, по крайней мере, удостовериться, не уедет ли Кошфоре в эту ночь. Если же да, то я увижу его лицо и, может быть, узнаю еще кое-что, что может быть для меня полезным в будущем.

Решившись на все, даже на самое худшее, я опустился подле окошка на пол и начал следить, готовый просидеть таким образом целую ночь. Но не прошло и часа, как я услышал внизу шепот, а затем звук шагов: из-за угла показалось несколько человек, и тогда голос заговорил громко и свободно. Я не мог разобрать слов, но голос, очевидно, принадлежал благородному человеку, и его смелый, повелительный тон не оставил во мне никакого сомнения насчет того, что это сам Кошфоре. Надеюсь узнать еще что-нибудь, я еще

ближе прижал лицо к отверстию и только успел различить во мраке две фигуры — высокого, стройного мужчину в плаще и, как мне показалось, женщину в блестящем белом платье, — как вдруг сильный стук в дверь моего чердачка заставил меня отскочить от окошка и поспешно прилечь на свою постель. Стук повторился.

— Ну? — воскликнул я, приподнимаясь на локте и проклиная несвоевременный перерыв. — Кто там? В чем дело?

Опускная дверь приподнялась на фут или около того, и в отверстии показалась голова хозяина.

— Вы звали меня? — сказал он.

Он поднял ночник, который озарил полкомнаты, и показал мне его ухмыляющееся лицо.

— Звал? В этот час ночи, дурачьё! — сердито ответил я. — И не думал звать! Ступайте спать, любезнейший!

Но он продолжал стоять, глупо зевая и глядя на меня.

— А я слышал ваш голос, — сказал он.

— Ступайте спать! Вы пьяны, — ответил я, садясь на постели. — Говорю вам, что я и не думал вас звать.

— Ну что ж, может быть, — медленно ответил он. — И вам ничего не нужно?

— Ничего, только оставьте меня в покое, — недовольно ответил я.

— А-ха-ха! — зевнул он опять. — Ну, спокойной ночи!

— Спокойной ночи! Спокойной ночи! — ответил я, призывая на помощь все свое терпение.

Я услышал в этот момент стук лошадиных подков: очевидно, лошадь выводили из конюшни.

— Спокойной ночи, — повторил я опять, надеясь все-таки, что он уберется вовремя, и я успею еще выглянуть из окошка. — Я хочу спать!

— Хорошо, — ответил он, широко осклабясь. — Но ведь еще рано, и вы успеете выспаться.

Только тогда наконец он не спеша опустил дверь, и я слышал, как он усмехался себе под нос, спускаясь по лестнице.

Не успел он добраться донизу, как я уже опять был подле окошка. Женщина, которую я видел раньше, еще стояла на том же месте, а рядом с ней находился мужчина в одежде поселянина и с фонарем в руке. Но человека, которого я хотел видеть, не было. Он исчез и, очевидно, остальные теперь не боялись меня, потому что хозяин вышел с фонарем, болтавшимся у него на руке, сказал что-то даме, а последняя посмотрела на мое окно и засмеялась.

Ночь была теплая, и дама не имела на себе

ничего поверх белого платья. Я мог видеть ее высокую, стройную фигуру, ее блестящие глаза, решительные контуры ее красивого лица, которое, если уже искать в нем недостатков, грешило разве чрезмерною правильностью. Эта женщина, казалось, самой природой была предназначена для того, чтобы идти навстречу опасностям и затруднениям; даже здесь, в полночь, среди этих отчаянных людей, она не представляла собой ничего неуместного. Я мог допустить, мне казалось даже, что я угадываю это, что под этой наружностью королевы, за презрительным смехом, с которым она выслушала рассказ хозяина, в ней таилась все-таки женская душа, душа, способная на увлечение и нежность. Но ни один внешний признак не свидетельствовал об этом, по крайней мере, в то время, когда я смотрел на нее.

Я пристально разглядывал ее и, признаться по правде, в глубине души был рад, что мадам де Кошфоре оказалась именно такой женщиной. Я был рад, что ее смех звучал так презрительно и враждебно; я был рад, что она не оказалась маленькой, нежной и кроткой женщиной, которая, подобно ребенку, не устояла бы перед первым ударом несчастья. Если мне удастся исполнить свое поручение, если я сумею... Но пустое! Женщины все одинаковы. Она скоро найдет себе утешение.

Я следил за этой группой, пока она оставалась

в поле зрения. Когда же мадам де Кошфоре, в сопровождении одного из мужчин, обогнула угол гостиницы и скрылась из виду, я вернулся на свою постель, еще больше прежнего недоумевая, что мне теперь предпринять.

Было ясно, что для успешности моего дела мне необходимо проникнуть в замок, который, согласно полученным мною сведениям, охранялся лишь двумя или тремя старыми прислужниками и таким же количеством женщин. Таким образом, захватить господина де Кошфоре в замке не представлялось невозможным. Но как проникнуть туда, в этот замок, охраняемый умными женщинами и всеми предосторожностями, которые может придумать любовь? В этом заключался вопрос, и заря застала меня ломающим над ним голову и все еще далеким от его решения.

Всю ночь я провел, как в лихорадке, и был очень рад, когда настало утро и я мог встать с постели. Мне казалось, что утренний воздух освежит мой мозг; мне было душно на маленьком чердачке. Я тихонько спустился по лестнице и умудрился пройти незамеченным через общую залу, где лежали и громко храпели несколько человек. Наружная дверь была не заперта, я отворил ее и очутился на улице.

Еще было так рано, что деревья черными громадами рисовались на красноватом небе, но

горшок на столбе у дверей уже зеленел, и через несколько минут повсюду должен был пролиться серый сумрак занимающегося утра. Да и теперь вдоль дороги распространялось слабое зарево света. Я остановился подле угла дома, откуда мог видеть передний фасад его и ту сторону, к которой примыкала конюшня, и, вдыхая свежий утренний воздух, старался открыть какие-нибудь следы ночной сцены. Вдруг мой взор упал на какой-то светлый предмет, лежавший на земле в двух или трех шагах от меня. Я подошел к нему и с любопытством поднял его, ожидая увидеть какую-нибудь записку. Но это оказалось не запиской, а крошечным оранжевым саше, какие женщины часто носят у себя на груди. Он был наполнен порошком, издававшим слабое благоухание, и имел на одной стороне букву Э, вышитую белым шелком. Одним словом, это было одной из тех изящным маленьких безделушек, которые так любят женщины.

Очевидно, мадам де Кошфоре уронила его прошлой ночью. Я долго ворочал вещицу в руках, а затем, улыбнувшись, спрятал ее за пазуху, думая, что она когда-нибудь может пригодиться, хотя я не мог наперед сказать, каким образом. Только я сделал это и обернулся, чтобы осмотреть улицу, как позади меня закрипела на кожаных петлях дверь и через секунду подле меня стоял хозяин, угрюмо

желая мне доброго утра.

Надо думать, что его подозрения воскресли с новой силой, потому что, начиная с этого момента, он под разными предлогами не отходил от меня до самого полудня. Мало того, с каждой минутой его обращение становилось грубее, намеки яснее, так что я уже не мог притворяться, будто не замечаю ни того, ни другого. Около полудня, последовав за мной в двадцатый раз на улицу, он дошел до того, что прямо спросил, не нужна ли мне моя лошадь.

— Нет, — ответил я. — А вам что?

— А то, — ответил он с отвратительной улыбкой, — что эти места не очень здоровы для чужеземцев.

— А! — ответил я. — Но пограничный воздух для меня очень полезен.

Это был очень удачный ответ и, в связи с моими намеками предыдущего дня, он поставил его в тупик. У него возникло предположение, что я нахожусь на стороне меньшинства и имею свои основания держаться поближе к испанской границе. Однако, прежде чем он успел почесать себе затылок и хорошенько подумать об этом, стук подков разогнал сонную тишину деревенской улицы, и дама, которую я видел ночью, показалась из-за угла и сразу осадила свою лошадь перед гостиницей. Не глядя на меня, она подозвала трактирщика.

Он подбежал к ней, а я, лишь только он

повернулся ко мне спиной, шмыгнул в сторону и скрылся за домом. Два или три парня с суровым удивлением посмотрели на меня, когда я пошел по улице, но ни один из них не тронулся с места. Две минуты спустя я был уже за деревней, на полупроезжей дороге, которая, по моим соображениям, вела в замок. Отыскать замок и разузнать все, что можно было, относительно его положения, было самой настоящей необходимостью, и я решил удовлетворить ее, даже с риском получить удар кинжала.

Но не успел я сделать по дороге и двухсот шагов, как услышал позади себя лошадиный топот. Я поспешил спрятаться в боковые заросли и увидел мадам, которая проскакала мимо меня, сидя на своей лошади с грацией и смелостью северной женщины. Я провожал ее глазами и затем последовал за нею, уже не сомневаясь, что нахожусь на надлежащей дороге. Последняя вскоре привела меня к маленькому деревянному мостику, переброшенному через речку. Перейдя через мост, я увидел перед собой большой луг и за ним — террасу. На террасе, окруженной с трех сторон густым лесом, стояло большое серое здание с угловыми башенками, крутой высокой кровлей и круглыми балконами, которые так любили строить во времена Франциска I.

Замок имел довольно внушительные размеры

и глядел очень мрачно. Высокая тисовая изгородь, окружавшая, вероятно, аллею или лужайку, скрывала из виду нижний этаж обоих флигелей, а перед центральной частью здания находился правильный розовый цветник. Западный флигель, более низкая крыша которого тонула в смежном лесу, по всей вероятности, содержал в себе конюшни и амбары.

Я простоял здесь не более минуты, но заметил все; я заметил, как дорога подходит к замку и какие окна доступны для атаки. Затем я повернулся и поспешил назад. К счастью, по дороге между замком и деревней мне никто не повстречался, и я пошел в гостиницу с самым невинным видом.

Однако, как ни кратковременно было мое отсутствие, я нашел в гостинице перемену. У дверей сидели три незнакомца: рослые, хорошо вооруженные парни, наружность и манеры которых представляли своеобразную смесь щегольства и независимости. Полдюжины вьючных лошадей были привязаны к столбу перед наружными дверьми, а обращение хозяина из грубого и сердитого сделалось нерешительным и даже робким.

Один из незнакомцев, как я скоро узнал, был его поставщиком вина; остальные были странствующими торговцами, которые путешествовали в обществе первого для большей

безопасности. Все это были состоятельные люди из Тарбеса — солидные горожане, и я очень скоро догадался, что хозяин, боясь каких-нибудь разоблачений, и в особенности, чтобы я не упомянул о ночном приключении, сидел все время, точно на угольях.

В первую минуту я отнесся ко всему этому довольно безучастно. Но когда мы все заняли свои места для ужина, наше общество увеличилось еще на одного человека. Дверь внезапно отворилась, и человек, которого я видел ночью с мадам де Кошфоре, вошел в комнату и занял место у огня. Я был уверен, что это один из слуг замка, и его приход сразу внушил мне план, как получить давно желанный доступ в замок. Кровь хлынула к моим щекам при мысли об этом, до такой степени план показался мне многообещающим и в то же время рискованным, и тут же, не давая себе труда хорошенько подумать, я начал приводить его в исполнение.

Я велел подать две или три бутылки лучшего вина и, приняв веселый вид, стал угощать всех сидевших за столом. Когда мы распили несколько стаканов, я пустился в разговор на политическую тему и с такой беспечностью стал отстаивать сторону Лангедокской партии и недовольного меньшинства, что хозяин был вне себя от моей неосторожности.

Торговцы, принадлежавшие к классу, у которого кардинал Ришелье всегда пользовался наибольшей популярностью, сначала были изумлены, а затем рассвирепели. Но я не знал удержу; намеки и суровые взгляды пропадали для меня совершенно даром. С каждым стаканом я становился все разговорчивее, пил за здоровье жителей Ла Рошели, клялся, что скоро, очень скоро они опять поднимут свои головы, и наконец, пока хозяин и его жена занимались зажиганием лампы, опять налил всем вина, предлагая каждому провозгласить свой тост.

— Для начала я сам предложу тост, — громко закричал я, — тост дворянина! Настоящий южный тост! На гибель кардиналу и за здоровье всех, кто ненавидит его!

— Мой Бог! — яростно воскликнул один из купцов, вскакивая с места. На этот тост я не согласен. Что это такое? — продолжал он, обращаясь к хозяину. — Я вижу, ваша гостиница сделалась притоном изменников, если вы допускаете подобные вещи!

— Что за вздор городите вы! — ответил я, спокойно оставаясь на месте. — В чем дело? Вам не нравится мой тост, голубчик?

— Не нравится так же, как и вы, кто бы вы там ни были, — с горячностью ответил он.

— В таком случае, я предложу вам другой, —

сказал я с притворной икотой. — Быть может, это больше придется по вашему вкусу. Да здравствует герцог Орлеанский, и да будет он поскорее королем!

Глава 3. Дом в лесу

При этих безрассудных словах трое купцов чуть не лопнули от ярости. На мгновение они так уставились на меня, как будто видели перед собою привидение. Затем виноторговец ударил кулаком по столу.

— Довольно, — сказал он, поглядывая на товарищей. — Я думаю, тут уж не может быть ошибки. Это просто неслыханная измена! Я восхищен, сударь, вашей смелостью. То, чего другие не осмеливаются шептать про себя, вы произносите громко. А что касается вас, — продолжал он с усмешкой, обращаясь к хозяину, — то теперь я буду знать, каких гостей вы принимаете у себя. Я не знал, что мое вино промачивает глотки для таких речей!

Но если он был возмущен, то хозяин, видя, что вся его репутация поставлена на карту, положительно пришел в бешенство. Будучи человеком далеко не красноречивым, он выразил свой гнев именно таким образом, какой был мне желателен, и немедленно поднял кутерьму, лучше

которой нельзя было и ожидать. Замычав, как бык, он бросился к столу и опрокинул мне его на голову. К счастью, женщина успела подхватить лампу и убежала с нею в угол, но оловянные кубки и тарелки полетели во все стороны, а стол прижал меня к полу посреди обломков моего стула. Воспользовавшись моим невыгодным положением (впрочем, я сначала не оказывал никакого сопротивления), хозяин начал обрабатывать меня первой попавшейся ему под руку вещью и сопровождал каждый удар ругательством, называя меня изменником, мошенником, бродягой.

Слуга из замка и жена хозяина молча следили за этой сценой, а купцы, приведенные в восторг оборотом, который приняло дело, со смехом танцевали вокруг нас, то подстрекая его, то вышучивая меня вопросами: «Ну, как это нравится герцогу Орлеанскому? — Ну, как ты себя чувствуешь теперь, изменник?»

Когда я нашел, что эта история продолжается уже достаточно долго, или, вернее, когда я уже не мог более выдержать побоев трактирщика, я отбросил его в сторону и поднялся на ноги. Тем не менее я еще воздерживался от того, чтобы обнажить шпагу, хотя кровь струилась по моему лицу. Вместо того я схватил за ножку первую попавшуюся скамейку и, улучив минуту, угостил хозяина таким ударом по уху, что он мигом

свалился на остатки своего собственного стола.

— Ну, — воскликнул я, размахивая своим новым оружием, — выходите! Выходите вы, торгаши, обманщики! Кукиш с маслом вам и вашему бритому кардиналу!

Краснолицый виноторговец мигом обнажил свою шпагу.

— Ах ты, пьяный дурень! — сказал он. — Брось эту скамейку, или я проткну тебя, как поросенка!

— Я покажу тебе поросенка! — закричал я, шатаясь, как будто я находился под влиянием винных паров. — И целую свинью, если тебе угодно! Еще одно слово, и я...

Он сделал несколько яростных атак, но в один миг шпага была выбита у него из рук и полетела на пол.

— Voila! — воскликнул я, спотыкаясь, будто это было простой случайностью и я не был настолько искусен, чтобы воспользоваться своей победой. — Ну, теперь следующий! Выходи, выходи, трусливые плуты!

И, продолжая играть роль пьяного, я швырнул в них своей шпагой и, схватив ближайшего противника, стал бороться с ним. Тут все трое бросились на меня и, необузданно ругаясь, притиснули меня к двери. Виноторговец задыхающимся голосом закричал хозяйке, чтобы

она отворила дверь, и через минуту меня вытащили на середину улицы.

Единственное, чего я боялся в этой свалке, это удара кинжалом, но мне ничего не оставалось, как подвергнуться этому риску. К счастью, эти купцы оказались порядочными людьми и, считая меня пьяным, относились ко мне довольно снисходительно. Они бросили меня в грязь, и через минуту я услышал стук захлопнувшейся двери.

Я поднялся на ноги, подошел к двери и, чтобы сыграть свою роль до конца, стал неистово стучаться в нее и кричать, чтобы меня впустили в дом. Но мне ответили насмешками, а хозяин, высунув в окно свою окровавленную голову, показал мне кулак и послал ругательство.

После этого я уселся на чурбан, находившийся в нескольких шагах от дома, и начал ожидать, что будет дальше. В изорванной одежде, с окровавленным лицом, без шляпы, весь покрытый грязью, я представлял довольно печальное зрелище. К тому же было пасмурно, и ветви деревьев, колыхаясь, обдавали мою голову брызгами. Дул холодный ветер. Я продрог, и на душе у меня было очень тоскливо. Если мой план не удастся, то я совершенно напрасно лишил себя крова и ночлега, не говоря уже о том, что сделал невозможными всякие дальнейшие попытки. Это был критический момент.

Но наконец произошло то, чего я ожидал. Дверь гостиницы приотворилась, и оттуда бесшумно вышел человек. Затем дверь снова закрылась, а человек на мгновение остановился на пороге, устремив взор в темноту и, очевидно, опасаясь нападения. Но найдя путь свободным, он быстро зашагал по улице, направляясь к замку.

Я прождал еще несколько минут и затем пошел вслед за ним. В конце улицы я без всяких затруднений отыскал дорогу, но, углубившись в лес, я очутился в такой густой тьме, что тотчас сбился с пути, стал спотыкаться и падать через пни и корни, рвал на себе платье о сучья и двадцать раз выходил из себя, пока снова нашел дорогу. Кое-как мне, однако, удалось добраться до деревянного моста, а оттуда я уже увидел впереди огонек. Пройти к нему через луг и террасу было довольно легким делом, но, когда я добрался до двери и постучался в нее, я до того выбился из сил, что должен был присесть, и мне почти не нужно было притворяться или преувеличивать свое беспомощное положение.

Долгое время на мой стук не было никакого ответа. Высокое черное здание оставалось безмолвным и невозмутимым. Я слышал, вперемежку с биением моего сердца, кваканье лягушек в пруде, находившемся неподалеку от конюшен, и больше ничего. В необузданном

порыве нетерпения я снова поднялся и стал колотить каблуками в тяжелую, обитую гвоздями дверь, крича не своим голосом:

— А moi! А moi!

Почти в ту же минуту я услышал отдаленный звук отворяемой двери и топот ног, как мне показалось, нескольких человек. Я возвысил свой голос и опять закричал:

— А moi!

— Кто там? — раздался голос.

— Дворянин в беде, — жалобно ответил я. — Ради Бога, отворите дверь и впустите меня. Я ранен и умираю от холода.

— Отчего вы сюда пришли? — резко спросил тот же голос.

Несмотря на его суровость, мне почудилось, что этот голос принадлежал женщине.

— Бог знает! — с отчаянием ответил я. — Я сам не могу вам сказать. Меня избили в гостинице и выбросили на улицу. Я кое-как уполз оттуда и блуждал по лесу несколько часов, пока наконец не увидел здесь свет.

Послышалось какое-то бормотание по ту сторону двери, к которой я плотно прижал свое ухо. Дело кончилось тем, что задвижка была снята, дверь наполовину отворилась, и оттуда блеснул свет, ослепивший меня. Я поспешил закрыть глаза рукой, и мне послышалось восклицание

сострадания. Но, взглянув из-под ладони, я увидел только одного человека — мужчину, который держал в руках свечу, и его вид был до того странен, до того ужасен, что я невольно сделал шаг назад.

Это был высокий и очень худой человек, бедно одетый в короткую узкую куртку и много раз чиненные брюки. Должно быть, он почему-то не мог сгибать шеи, потому что держал голову с странной неподвижностью. А эта голова... Никогда у живого человека не было головы, столь похожей на мертвую. Его лоб был совершенно лишен волос и имел желтый цвет; скулы выдавались под тонкой, напряженной кожей; нижняя часть лица западала внутрь; на месте щек были какие-то дыры, а губы и подбородок были тонки и как бы бесплотны. Его лицо хранило всегда одно и то же выражение застывшей усмешки.

Пока я стоял, глядя на это ужасное лицо, обладатель его сделал быстрое движение, чтобы снова запереть дверь, и стал улыбаться еще шире. Но я имел осторожность вставить в щель ногу, и, прежде чем он начал протестовать против этого поступка, за его спиной послышался голос:

— Как тебе не стыдно, Клон! Отойди, отойди! Слышишь? Я боюсь, мосье, что вы ранены!

Эти кроткие слова, произнесенные в такой час и среди таких обстоятельств, произвели на меня

сильное впечатление, которое очень долго не могло изгладиться. Вокруг передней тянулась широкая галерея, и, благодаря высоте комнаты и темным панелям, свет лампы почти совершенно не проникал туда. Мне казалось, что я стою у входа в огромную пещеру; скелетоподобный привратник имел вид людоеда, и только голос, сказавший мне эти приветливые слова, разогнал эту иллюзию. Я с трепетом повернулся в ту сторону, откуда он слышался, и, снова прикрыв глаза ладонью, различил женскую фигуру, стоявшую под аркой галереи. Рядом с ней обрисовывались неясные очертания другой фигуры, по всей вероятности, того самого слуги, которого я видел в гостинице.

Я молча поклонился. Зубы мои стучали. Я был близок к обмороку уже помимо всякого притворства и почувствовал какой-то необъяснимый страх при звуке голоса этой женщины.

— Один из моих слуг рассказал мне про вас, — продолжала она, оставаясь в темноте. — Мне очень жаль, что с вами случилось такое несчастье, но боюсь, что вы сами навлекли его на себя своей неуместной откровенностью.

— Я вполне заслужил его, мадам, — смиренно ответил я. — Я прошу только крова на ночь.

— Еще не наступило то время, когда бы нам приходилось отказывать в этом нашим друзьям, —

ответила она с благородной любезностью. — Когда оно настанет, мы сами будем без крова, мосье.

Я содрогнулся при этих словах и старался избежать ее взгляда, потому что, если признаться по правде, я раньше не совсем ясно представлял себе эту сцену, — я не предвидел всех ее подробностей. И теперь, когда она разыгралась, у меня проснулось тягостное сознание своей низости. Мне и прежде не нравилось это дело, но я не имел тогда выбора, как не имел его и теперь. К счастью, одежда, в которой я явился, моя усталость и несомненная рана были для меня достаточной маской, иначе я сразу навлек бы на себя подозрение. Я уверен, что если когда-нибудь в этом мире храбрый человек имел вид собаки, поджавшей хвост, если Жиль де Бери когда-нибудь падал ниже себя, то это было именно в этот момент, на пороге замка госпожи де Кошфоре, когда она ласково предлагала мне свое гостеприимство.

Один человек, кажется, питал против меня подозрения. Привратник Клон продолжал держать дверь полуотворенной и смотрел на меня со злобной улыбкой, пока его госпожа с некоторой резкостью не приказала ему запереть дверь и провести меня в назначенную для меня комнату.

— Ступай и ты с ними, Луи, — продолжала она, обращаясь к стоявшему подле нее слуге, — и присмотри, чтобы господину было по возможности

удобно. Мне очень жаль, — прибавила она, обращаясь ко мне с прежним изяществом (мне даже показалось, будто она наклонила в темноте свою голову), — что при настоящих обстоятельствах мы не имеем возможности предложить вам большего гостеприимства, мосье. Тревожные времена... Но вы, конечно, извините, если заметите в чем-нибудь недостаток. До завтра, имею честь пожелать вам спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мадам, — пролепетал я, дрожа.

Я не мог в темноте различить черты ее лица, но ее голос, ее прием, ее обращение лишали меня самообладания. Я был смущен и встревожен; у меня теперь не хватило бы духу ударить простую собачонку. Я последовал за обоими слугами, не соображая, куда мы идем, и только когда мы остановились перед дверью в выбеленном коридоре, я пришел в себя и заметил, что между моими проводниками происходят какие-то пререкания.

Через минуту я разобрал, что один из них, Луи, хотел поместить меня там, где мы остановились; привратник же, у которого находились ключи, не соглашался на это. Он не произнес ни слова, другой тоже молчал, и это придавало их спору странный и вместе с тем злоеущий характер. Клон упорно кивал головой на

дальний конец коридора и в конце концов настоял на своем. Луи пожал плечами и двинулся дальше, искоса поглядывая на меня, а я, не понимая причины их пререканий, молча последовал за ними.

Когда мы достигли конца коридора, уродливый привратник на мгновение остановился и обратил ко мне свои оскаленные зубы. Затем он повернул в узкий коридор налево и, пройдя несколько шагов, остановился перед маленькой, но массивной дверью. Заржавленный ключ завизжал в замке, но он с силой повернул его и открыл дверь.

Я вошел внутрь и увидел низкую пустую комнату с решетками на окнах. Пол был довольно чист; мебели не было никакой. Желтый свет фонаря, падавший на грязные стены, сообщал комнате вид темницы. Я обернулся к своим спутникам.

— Не очень важная комната, — сказал я, — и пахнет сыростью. Другой у вас нет?

Луи нерешительно посмотрел на своего товарища, но привратник упрямо покачал головой.

— Почему он не говорит? — нетерпеливо спросил я.

— Он немой, — ответил Луи.

— Немой! — воскликнул я. — Но он слышит?

— У него есть уши, — холодно ответил слуга, — но нет языка, мосье.

Я содрогнулся.

— Как он лишился его?

— При осаде Ла Рошели. Он был шпионом, и королевские солдаты захватили его в тот самый день, когда город сдался. Они оставили его в живых, но вырезали у него язык.

— А! — протянул я.

Я чувствовал, что для большей естественности своего поведения мне необходимо сказать еще что-нибудь, но, к своему смущению, я не мог вымолвить ни слова. Взор привратника жег меня насквозь, и мой собственный язык прилип к гортани. Привратник разжал свои губы и показал мне свое зияющее горло. Я покачал головой и отвернулся от него.

— Вы можете дать мне какую-нибудь постель? — поспешно пробормотал я, лишь бы что-нибудь сказать и избежать его взора.

— Разумеется, мосье, — ответил Луи. — Я принесу вам все необходимое.

С этими словами он удалился, думая, конечно, что Клон останется со мной. Но последний спустя минуту или две пошел вслед за ним, забрав с Собой фонарь и оставив меня одного посреди темной сырой комнаты размышлять о своем положении. Было ясно, что Клон подозревает меня. То обстоятельство, что он отвел для меня эту комнату, находившуюся в самой задней части дома и самом отдаленном крыле здания и снабженную, подобно

темнице, решетками на окнах, ясно говорило об этом. Несомненно, это был опасный человек, и я должен был его остерегаться. Я положительно недоумевал, как мадам может держать у себя в доме такое чудовище. Но мне нельзя было долго раздумывать над этим вопросом, потому что вскоре я услышал его шаги. Он снова вошел в комнату, светя Луи, который нес с собой маленькую койку и стопку постельного белья.

Немой, кроме фонаря, нес в руках чашку с водой и кусок коврика. Опустив то и другое на пол, он снова вышел и вернулся со скамейкой. Затем он повесил фонарь на гвоздь, взял чашку и тряпку и пригласил меня сесть.

Мне было неприятно прикосновение его рук, но он продолжал стоять надо мной со своей мрачной улыбкой, указывая на скамейку, так что я в конце концов, во избежание излишних пререканий, вынужден был подчиниться его желанию. Он довольно тщательно обмыл мне ноги и, действительно, облегчил мои страдания, но я понял, я отлично понял, что им руководило лишь желание удостовериться, в самом деле я ранен или только притворяюсь. С каждой минутой я боялся его все более и более и до самого его ухода положительно не решался поднять глаз, чтобы он как-нибудь не прочитал в них самых сокровенных моих мыслей.

Но когда я остался один, я не почувствовал

себя лучше. Все это дело представлялось мне таким мрачным и притом так дурно начатым. Положим, я проник в замок. Но приветливый голос мадам преследовал меня, равно как и исполненный подозрения и угрозы взор немого привратника. Когда я вскоре по его уходе встал с места и подошел к двери, она оказалась запертой. Комната была наполнена сырым и затхлым воздухом, точно погреб. Сквозь решетки окон я ничего не мог различить в ночной тьме, но до меня доносился монотонный скрип древесных ветвей, и я понял, что окна моей комнаты выходили в ту сторону, где лес примыкал к самой стене дома и куда даже днем не проникал солнечный свет.

Несмотря на все, усталость в конце концов взяла свое, и я заснул.

Когда я проснулся, комната была наполнена серым светом, дверь стояла открытой настежь, и Луи со смущенным видом стоял у моей койки, держа в руках чашу с вином и блюдо с хлебом и фруктами.

— Угодно вам будет встать, сударь? — сказал он. — Уже восемь часов.

— Охотно встану, — колко ответил я, — если вы потрудились отпереть дверь.

Он покраснел.

— Это ошибка, — пробормотал он. — Клон привык запира́ть эту дверь и по рассеянности запер

ее вчера, забыв, что вы...

— Остался внутри?

— Так точно, мосье.

— Не думаю, чтобы эта рассеянность понравилась мадам де Кошфоре, если она узнает об этом.

— Ах, сударь, если бы вы были добры не...

— Не говорить ей об этом? — сказал я, многозначительно глядя на него. — Хорошо, если, конечно, это не повторится.

Я видел, что этот парень был не то, что Клон. У него были инстинкты фамильного слуги, и теперь, когда дневной свет разогнал его страхи, он стыдился своего поступка. Приведя в порядок мою постель, он с явным отвращением оглядел комнату и пробормотал, что мебель главных комнат увезена из замка.

— Господин де Кошфоре за границей, кажется? — спросил я, одеваясь.

— И должно быть, останется там, — равнодушно ответил он, пожимая плечами. — Мосье, без сомнения, слышал, что наш господин попал в беду. Весь дом поэтому в трауре, и мосье должен будет извинять нам многое. Мадам живет уединенно, а дороги плохи, и гостей бывает мало.

— Когда лев болен, шакалы бросают его, — сказал я.

Луи утвердительно кивнул головой.

— Это правда, — простодушно ответил он.

Я видел, что это человек правдивый, честный и преданный, — одним словом, такой, каких я всегда люблю. Я продолжал осторожно расспрашивать его и узнал, что он, Клон и еще один человек, живший над конюшнями, составляли всю мужскую прислугу громадного дома. Мадам, ее золовка и три женщины составляли женское население замка.

Починка моего гардероба отняла у меня довольно много времени, так что было уже наверное десять часов, когда я оставил свою мрачную келью. В коридоре меня ждал Луи, который сказал мне, что мадам и мадемуазель находятся в розовом цветнике и будут рады видеть меня. Я кивнул, и он повел меня по нескольким темным коридорам в гостиную, через открытую дверь которой врывались веселые лучи солнца. Оживленный свежим и приятным утренним воздухом, я бодрой поступью вышел в сад.

Обе дамы расхаживали взад и вперед по широкой дорожке, которая делила садик на две части. Сорные травы в изобилии росли под ногами, розовые кусты, тянувшиеся по обеим сторонам дорожки, своевольно простирали свои ветви по всем направлениям, а темная тисовая изгородь была утыкана новыми побегами, не знавшими стрижки. Но я на все это не обращал внимания. Грация,

благородство, величавость обеих женщин, которые медленно шли мне навстречу и которые в одинаковой мере обладали этими качествами, хотя различались между собою по всем другим, лишили меня способности замечать все эти мелочи.

Мадемуазель была на целую голову ниже жены брата и представляла собой маленькую, тоненькую женщину с прекрасным лицом и светлыми волосами, настоящее воплощение женственности. Она держалась с большим достоинством, но рядом с величественной фигурой хозяйки дома казалась почти ребенком.

Интересно то, что, когда они обе подошли ко мне, мадемуазель посмотрела на меня с каким-то горестным вниманием, а мадам с серьезной улыбкой.

Я низко поклонился. Они ответили на мое приветствие.

— Это моя сестра, — сказала мадам де Кошфоре с едва заметным оттенком снисходительности. — Не будете ли вы любезны назвать нам ваше имя, сударь?

— Я — де Барт, нормандский дворянин, — экспромтом ответил я, называя имя своей матери.

Мое настоящее имя могло быть им случайно известно.

Лицо мадам приняло недоумевающее выражение.

— Мне незнакомо это имя, — задумчиво сказала она.

Очевидно, она перебирала в уме все известные ей имена участников заговора.

— Тем хуже для меня, — смиренным тоном ответил я.

— А все-таки я должна сделать вам выговор, — продолжала она, пристально глядя на меня. — Вы сами, к счастью, не очень пострадали при вашем приключении, но другие могли пострадать. И вам бы следовало это всегда иметь в виду, сударь.

— Не думаю, чтобы я причинил моему противнику сильное повреждение, пробормотал я.

— Я не об этом говорю, — холодно возразила она. — Но вам известно, или должно быть известно, что мы в настоящее время находимся в опале, что правительство и без того недоброжелательно смотрит на нас и что каждый пустяк может побудить его послать на нашу деревню войска и отнять у нас то немногое, что нам оставила война. Это вам бы следовало знать и иметь в виду, а между тем... я не хочу назвать вас тщеславным человеком, господин де Барт. Но в данном случае вы себя выказали таким.

— Мадам, я не думал об этом, — пролепетал я.

— Необдуманность причиняет много зла, —

ответил она, улыбаясь. — Во всяком случае, я вам высказала свое мнение, и мы надеемся, что во время пребывания у нас вы будете осторожнее. Впрочем, мосье, — продолжала она, грациозно поднимая руку для того, чтобы я дал ей договорить, — мы не знаем, для чего вы явились сюда и каковы ваши планы. Но мы и не желаем знать этого. Этот дом к вашим услугам, пока вам будет угодно оставаться в нем, и, если мы будем в состоянии помочь вам еще чем-нибудь, мы охотно сделаем это.

— Мадам! — воскликнул я и не смог продолжать.

Запущенный розовый садик, тень, которую бросал на нас молчаливый дом, высокая тисовая изгородь, напомнившая мне ту, под которой я играл в детстве, любезность обеих дам, их доверчивость, благородный дух гостеприимства, который руководил ими, их мирная красота в этой мирной рамке — все это произвело на меня слишком сильное впечатление. Я был к этому совершенно не подготовлен и не мог дать никакого отпора. Я отвернулся и сделал вид, что избыток благодарности сковал мой язык.

— У меня нет слов... благодарить вас, — с трудом произнес я. — Я все еще не могу прийти в себя... простите меня.

— Мы оставим вас на время, — сказала

мадемуазель де Кошфоре с кротким участием. — Воздух оживит вас. Луи скажет вам, когда подадут обед, господин де Барт. Идем, Элиза!

Я низко поклонился для того, чтобы скрыть свое лицо, а они ответили мне ласковым наклоном головы и в простоте души не подумали пристально посмотреть на меня. Я следил за этими двумя грациозными фигурами в светлых платьях, пока они не исчезли в дверях, и потом углубился в уединенный уголок сада, где кусты росли гуще, а тисовая изгородь бросала самую густую тень, и остановился там, чтобы подумать на свободе.

И странные мысли, Боже, приходили мне в голову. Если дуб может думать в то время, когда буря вырывает его с корнем; если колючий терновник одарен способностью мыслить в ту минуту, когда обвал разлучает его с родимым холмом, то у них должны являться подобные мысли. Я смотрел на листья, на увядшие цветы, на темные углубления изгороди; я смотрел совершенно машинально, и душа моя была полна самых тягостных недоумений. Для чего я явился сюда? Какое дело я взялся выполнить? А главное, как мог я (Боже мой!), как мог я обмануть этих двух беспомощных женщин, которые полагались на меня, которые доверяли мне, которые открыли предо мной двери своего дома? Меня не пугали ни Клон, ни преданное лиге местное население, ни

отдаленность этого захолустья, где страшный кардинал был пустым звуком, где королевские законы никем не признавались и где еще тлело восстание, давно заглушенное в других местах. Но невинная доверчивость госпожи де Кошфоре, кротость ее молодой золовки — вот чего я не мог перенести.

Я проклинал кардинала: отчего он не остался в своем Люсоне? Я проклинал олуха-англичанина, который довел меня до этого, я проклинал годы довольства и нужды, квартал Маре, игорный дом Затона, где я жил, как свинья, я проклинал...

Вдруг я почувствовал на своем рукаве чье-то прикосновение. Я обернулся. Это был Клон. Каким образом он так незаметно подкрался ко мне, как долго он пробыл подле меня, я не мог этого сказать. Но его глаза злобно сверкали в своих глубоких орбитах, а бескровные губы смеялись. Я ненавидел этого человека. При дневном свете его голова еще более походила на мертвую. Когда я взглянул на это лицо, мне показалось, что он отгадал мою тайну, и бешенство обуяло меня.

— Что такое? — закричал я с проклятием. — Не смей касаться меня своей мертвой лапой!

Он сделал какую-то гримасу и, кланяясь с насмешливой вежливостью, указал на дом.

— Подан обед, что ли? — нетерпеливо спросил я, с трудом сдерживая свой гнев. — Это ты

хочешь сказать, дуралей?

Он утвердительно кинул головой.

— Хорошо, — сказал я. — Я сам найду дорогу. Можешь идти!

Он отступил, а я пошел назад по поросшей травой дорожке к той двери, через которую я прошел в сад. Я шел быстро, но его тень следовала за мной и прогоняла те необычные мысли, которые только что волновали меня. Эта тень постепенно ложилась и на мою душу. Ведь если рассудить хорошенько, Кошфоре — какое-то жалкое, глухое захолустье; люди, которые живут здесь... Я только пожал плечами. Франция, власть, удовольствия, жизнь, — одним словом, все, что было заманчиво и к чему стоило стремиться, лежало там, далеко отсюда, в большом городе. Лишь мальчишка способен погубить себя из-за прихоти; солидный, светский человек никогда не сделает такой глупости.

Когда я вошел в комнату, где обе дамы, ожидая меня, стояли около накрытого стола, я уже снова был самим Собою. А случайное замечание довершило эту перемену.

— Значит, вы все-таки поняли Клона? — ласково спросила младшая из хозяек, когда я занял свое место.

— Да, мадемуазель, — ответил я и, заметив, что они улыбнулись друг другу, добавил: —

Странное это существо, ваш Клон. Меня удивляет, как вы можете выносить его присутствие.

— Бедный! Вы не знаете его истории? — спросила мадам.

— Я слышал кое-что, — ответил я. — Луи рассказал мне.

— Действительно, я иногда не могу смотреть на него без содрогания, сказала она тихим голосом. — Он пострадал, — ужасно пострадал из-за нас. Но еще неприятнее для меня то, что он пострадал за шпионство. Шпионы необходимая вещь, но все-таки с ними неприятно иметь дело. Все, что напоминает измену или предательство, внушает отвращение.

— Луи, подай скорее коньяк, если у нас есть, — воскликнула мадемуазель. — Кажется, вы... еще нехорошо чувствуете себя, мосье?

— Нет, благодарю вас, — хрипло пробормотал я, делая усилие, чтобы оправиться. — Я совершенно здоров. Это старая рана иногда тревожит меня.

Глава 4. Две дамы

Но, признаться, не старая рана так сильно подействовала на меня, а слова госпожи де Кошфоре, которые довершили то, что начато было внезапным появлением Клона в саду. Они

окончательно закалили меня. Я с горечью видел то, что, быть может, уже готов был позабыть, а именно, как велика пропасть, отделявшая меня от обеих женщин, как невозможно для нас думать одинаково, как различны не только наши взгляды, но и вся наша жизнь, наши цели и стремления. И, смеясь в душе над их выпретенными чувствами — или делая вид, что смеюсь, — я в то же время смеялся над безумием, которое могло, хотя бы на мгновение, внушить мне, пожилому человеку, мысль об отступлении, — мысль рискнуть всем из-за прихоти, из-за глупой щепетильности, из-за минутного угрызения совести.

Должно быть, то, что происходило в моей душе, отразилось до некоторой степени и на моем лице, потому что в глазах госпожи де Кошфоре, устремленных на меня, блеснуло какое-то смутное беспокойство, а ее золовка порывисто заговорила о совершенно постороннем предмете. Во всяком случае, я боялся этого и поспешил принять невозмутимый вид, а дамы, угощая меня неприхотливыми кушаньями, составлявшими наш обед, скоро позабыли или сделали вид, что позабыли об этом маленьком инциденте.

Однако, несмотря на все это, этот первый обед произвел на меня странное, чарующее действие. Круглый стол, за которым мы сидели, находился недалеко от двери, открытой в сад, так что

октябрьское солнце озаряло белоснежную скатерть и старинную посуду, а свежий бальзамический воздух наполнял комнату сладким благоуханием. Луи прислуживал нам с видом мажордома и подавал каждое блюдо, как будто это был фазан или какое-нибудь другое редкое кушанье. В действительности же большинство продуктов было получено из окружающего леса и огорода, а маринады и варенья приготовила собственноручно мадемуазель де Кошфоре.

Мало-помалу, пока длился обед и Луи бегал взад-вперед по полированному полу, из сада доносилось сонное жужжание последних летних насекомых, а два милovidных личика улыбались мне из полумрака (обе дамы сидели спиной к дверям), я стал отдаваться прежним мечтам. Мною снова овладело безумие, которое было для меня и удовольствием, и мучением. Горячка игорного дома и ссора с англичанином казались мне чем-то далеким-далеким. Даже мои фехтовальные успехи казались мне дешевыми и обманчивыми. Я думал о совершенно ином существовании. Я взвешивал то и другое и спрашивал себя, неужели красная мантия настолько лучше деревенского камзола и мимолетная слава предпочтительнее покоя и безопасности.

И вся моя дальнейшая жизнь в Кошфоре производила на меня такое же впечатление, как и

этот обед. Каждый день, можно даже сказать, при каждой встрече у меня возникал один и тот же ряд мыслей. В присутствии Клона или когда какое-нибудь резкое, хотя и неумышленное, замечание хозяйки напоминало мне о той пропасти, которая существовала между нами, я становился прежним человеком. Но в другое время, под влиянием этой мирной и спокойной жизни, возможной только при уединенности замка и при том особенном положении, в котором находились обе женщины, меня охватывала странная слабость. Пустынное безмолвие леса, окружавшего дом, отсутствие всяких связей с прошедшим, так что по временам моя настоящая жизнь казалась мне сном, отдаленность от светского круга — все это подрывало мою волю и затрудняло для меня мою задачу.

Однако на четвертый день моего пребывания в замке произошло нечто такое, что разрушило эти чары. Случилось так, что я опоздал к обеду. Ожидая застать дам уже за столом, я второпях вбежал в комнату без всяких церемоний и увидел, что обе дамы стоят у открытой двери, вполголоса разговаривая между собою. На их лицах было написано очевидное беспокойство, а Клон и Луи, стоявшие с опущенными головами немного поодаль, имели необыкновенно смущенный вид.

Я успел заметить все это, хотя мое появление

произвело внезапную перемену. Клон и Луи засуетились и начали подавать кушанья, а дамы поспешно сели за стол и сделали очень неловкую попытку казаться в обычном расположении духа. Но лицо мадемуазель было бледно, и ее руки дрожали, а мадам, хотя и держала себя более естественно, благодаря большому самообладанию, несомненно, тоже была очень взволнована. Несколько раз она сурово прикрикнула на Луи, а в остальное время находилась в мрачном раздумье; когда же она думала, что я не слежу за нею, на ее лице явственно отражалась тревога.

Я недоумевал, что все это означает, и мое недоумение увеличилось, когда после обеда обе дамы вышли с Клоном в сад и провели там около часа. После этого мадемуазель вернулась в комнату, и я могу наверное утверждать, что она плакала. Мадам пробыла еще некоторое время в саду в обществе мрачного привратника, но затем тоже вернулась в дом и исчезла. Клон не вошел вместе с нею, и, когда я пять минут спустя отправился в сад, Луи также скрылся. За исключением двух служанок, которые сидели за рукодельем у верхнего окна, в доме, по-видимому, не осталось никого. Ни один звук не нарушал послеобеденной тишины, царившей в доме и в саду, и все-таки я чувствовал, что под покровом этой тишины совершается нечто большее, чем можно

предполагать. У меня пробуждалось любопытство, даже подозрение. Я пробрался мимо конюшен и, углубившись в лес, позади дома, окольным путем достиг моста, по которому пролежала дорога в деревню.

Обернувшись назад, я с этого места мог видеть замок. Отойдя немного в сторону, где деревья были гуще, я стал глядеть на окна замка, стараясь разгадать, в чем дело. Трудно было предполагать, чтобы господин де Кошфоре вздумал так скоро повторить свой визит. Притом женщины, очевидно, испытывали ощущения страха и скорби, очень далекие от той радости, которую должно было бы им доставить свидание, хотя бы и тайное, с мужем и братом. Ввиду этого я отказался от своего первоначального предположения, что он неожиданно вернулся домой, и стал искать другой разгадки.

Но я ничего не мог придумать. В окнах ничего не было видно, ни одна фигура не показывалась на террасе, сад был совершенно пуст, нигде ни души, ни звука.

Я продолжал некоторое время свои наблюдения, порой проклиная свою собственную низость. Но любопытство и возбуждение минуты взяли верх, и я решил пойти в деревню посмотреть, не узнаю ли там чего-нибудь.

За эти четыре дня я уже однажды навестил

гостиницу и встретил там мрачный, но учтивый прием, как лицо, которое пользуется вниманием влиятельных людей и которому поэтому нельзя отказать в гостеприимстве. Мое вторичное появления не могло заключать в себе ничего особенного, и после минутной нерешимости я отправился туда.

Дорога пролегла через лес и находилась в такой густой тени, что солнце освещало ее лишь в отдельных местах. Белка прыгала с ветки на ветку; время от времени из глубины леса доносилось хрюканье свиньи. Но за исключением этих звуков, в лесу царила полная тишина, и я уже сам не знаю, как вышло, что я застиг Клона врасплох, вместо того, чтобы быть застигнутым им.

Устремив глаза в землю, он шел по той же дороге, что и я, но шел так медленно и так пригнув свое худое тело, что я счел бы его больным, если бы не заметил, что он равномерно поворачивал голову влево и вправо и на каждом шагу разрывал кучки листьев и комья земли. По временам он снова выпрямлялся и подозрительно оглядывался вокруг, но я поспешно прятался за дерево, так что он меня не замечал. Затем он опять принимался за свое дело, наклоняясь еще ниже и продвигаясь с еще большей осторожностью.

Я понял, что он выслеживает кого-то. Но кого? Этого я решительно не мог отгадать. Тут я

положительно терялся в догадках. Я видел лишь, что моя задача усложняется, и начинал чувствовать лихорадку погони. Разумеется, если это не имело отношения к Кошфоре, то мне нечего было обращать на это внимания, но я допускал, что он находится в основе всего этого, хотя и трудно было предположить, чтобы он так скоро вернулся назад. Кроме того, я чувствовал простое любопытство. Когда Клон, наконец, прибавил шагу и направился в деревню, я сам принялся за его дело. Жадным взором я оглядывал истоптанную землю и разбросанные листья. Но напрасно! Я ничего не мог найти, и в результате у меня лишь разболелась спина.

Я решил уже не идти в деревню и возвратился домой, где застал мадам, которая прогуливалась по саду. Она с живостью подняла голову, услышав мои шаги, и я понял, что при виде меня она почувствовала разочарование, что она ожидала кого-то другого. Но она скрыла свою досаду и спокойно начала разговор. Тем не менее я заметил, что она неоднократно оглядывалась на дом и, очевидно, все время с тревожным нетерпением поджидала кого-то. Поэтому я несколько не был удивлен, когда скоро на пороге показался Клон, и она сразу оставила меня, чтобы подойти к нему. Я все более и более убеждался, что произошло что-то странное. Что такое и какое отношение это имело к

господину де Кошфоре, я не мог сказать. Но что-то произошло, и чем больше меня оставляли одного, тем сильнее разгоралось мое любопытство.

Она скоро вернулась ко мне, еще более прежнего задумчивая и грустная.

— Это был, кажется, Клон? — спросил я, не сводя с нее глаз.

— Да, — сказала она.

Она отвечала рассеянно и не смотрела на меня.

— Как он разговаривает с вами? — спросил я несколько отрывисто.

Как я и ожидал, мой тон поразил ее.

— Знаками, — ответила она.

— Не находите ли вы, что он... немного сумасшедший? — решился я спросить.

Моей целью было заставить ее разговориться.

Она вдруг пристально посмотрела на меня и затем опустила глаза.

— Вы не любите его? — сказала она с оттенком вызова в голосе. — Я заметила это.

— Я думаю, что он меня не любит, — возразил я.

— Он менее доверчив, чем все мы, — простодушно ответила она. — И это вполне естественно для него. Он лучше знает людей.

Я не нашелся, что ответить, но она, кажется, не обратила на это внимания.

— Я искал его и не мог найти, — сказал я после некоторого молчания.

— Он был в деревне.

Мне очень хотелось продолжить этот разговор, но как ни далека была она от подозрений против меня, я не решился на это. Я пустился на другую хитрость.

— Мадемуазель де Кошфоре сегодня, кажется, не совсем здорова? — сказал я.

— Нездорова? — небрежно повторила она. — Да, сказать по правде, я боюсь этого. Она слишком много беспокоится о... человеке, которого мы любим.

Последние слова она произнесла с некоторою нерешительностью и затем с живостью посмотрела на меня. Мы сидели в эту минуту на каменной скамье, спинку которой образовала стена дома, и, к счастью, нависшая над нею ветка ползучего растения до некоторой степени закрывала мое лицо. Не будь этого, мадам могла бы многое прочесть на нем, потому что оно, наверное, изменилось при этих словах.

Но голосом я мог лучше управлять и поспешил как можно более невинным тоном ответить:

— Да, конечно.

— Он в Бососте, в Испании. Вы знали об этом, я вижу? — резко спросила она и опять пристально

посмотрела мне в лицо.

— Да, — ответил я, начиная дрожать.

— Вероятно, вы слышали также, что он... что он иногда приезжает сюда? — продолжала она, понизив голос и вместе с тем придав ему оттенок настойчивости. — Или, если вы не слышали об этом, вы догадываетесь?

Я был в затруднении, что ответить, и на мгновение почувствовал себя как бы нависшим над пропастью. Не зная, насколько сведущим я могу выказать себя, я решил искать спасения в любезности. Я отвесил поклон и сказал:

— Было бы удивительно, если бы он не делал этого, находясь так близко и имея здесь подобный магнит, сударыня.

Она издала долгий судорожный вздох, вероятно, вспомнив об опасности этих свиданий, и снова облокотилась о стену. Я услышал еще один вздох, но она продолжала молчать. Через минуту она поднялась с места.

— Вечера становятся прохладны, — сказала она. — Я должна посмотреть, как чувствует себя мадемуазель. Иногда она бывает не в силах сойти к ужину. Если она не сойдет сегодня, то вам придется извинить также и мое отсутствие, мосье.

Я ответил то, что в таких случаях полагается, и задумчиво проводил ее глазами. Я чувствовал в эту минуту особенное отвращение к своей задаче и

к тому низкому, презренному любопытству, которое она посеяла в моей душе. Эти женщины... Ах, я готов был их ненавидеть за их откровенность, за их глупую доверчивость, которая делала из них такую легкую добычу!

Чего хотела эта женщина, рассказывая мне все это? Оказать мне такой прием, обезоружить меня таким образом — значило создать неравный бой, в котором преимущество было не на моей стороне. Это придавало гадкий, — да, очень гадкий отпечаток всему моему делу!

И все-таки я терялся в догадках. Что могло побудить господина де Кошфоре возвратиться так скоро, если он действительно был теперь здесь? А с другой стороны, если это не его неожиданное прибытие поставило весь дом вверх дном, то в чем же дело? Кого выслеживал Клон? И что было причиной беспокойства госпожи де Кошфоре? Спустя несколько минут мое любопытство разгорелось с прежнею силой, и так как дамы не явились к ужину, то я имел полную свободу делать всевозможные догадки и в течение целого часа придумывал сотни объяснений. Но ни одно из них не удовлетворяло меня, и тайна оставалась тайной.

Ложная тревога, поднятая в этот вечер, еще более поставила меня в тупик. Приблизительно через час после ужина я сидел в саду на той же скамье — на мне был мой плащ, и я был занят

курением, — как вдруг мадам, точно привидение, вышла из дома и, не заметив меня, углубилась в темноту, по направлению к конюшням. После некоторого колебания я последовал за нею.

Она пошла по дорожке вокруг конюшен, и сначала я не замечал ничего особенного в ее действиях, но когда она достигла западной стороны здания, она опять повернула к восточному крылу замка и таким образом вернулась в сад. Тут она пошла прямо по садовой дорожке, вступила в дверь гостиной и скрылась в комнатах, обойдя таким образом вокруг всего дома и притом ни разу не остановившись и не посмотрев ни направо, ни налево.

Признаюсь, я совершенно опешил. Я уселся на скамью, на которой раньше сидел, и сказал себе, что последнее наблюдение окончательно лишает меня надежды добраться до истины. Я был уверен, что она ни с кем не обменялась ни словом. Равным образом я был уверен и в том, что она не заметила моего присутствия. Но тогда для чего, спрашивается, она предприняла эту прогулку совершенно одна, без всякой защиты, среди ночи? Ни одна собака не залаяла, никто не пошевелился, а она ни разу не остановилась, не прислушалась, как сделал бы человек, ожидавший кого-нибудь встретить. Я ничего не понимал. И, пролежав без сна целым часом позже моего обычного времени, я

так же был далек от разрешения загадки, как и прежде.

На следующий день опять ни одна из дам не явилась к обеду, и мне сказали, что мадемуазель не здорова. После скучного обеда, — отсутствие моих собеседниц было для меня более чувствительно, чем я ожидал, — я удалился на свое любимое место и погрузился в раздумье.

Погода была восхитительная, и в саду сидеть было очень приятно. Глядя на старомодные грядки и купол темно-зеленых ветвей, вдыхая благоухание цветов, я готов был думать, что я покинул Париж не три недели, а три месяца назад. Тишина окружала меня. Мне казалось, что я никогда не стремился ни к чему иному. Дикая голуби чуть слышно ворковали в тиши, да лишь по временам крик сойки нарушал лесное безмолвие. Было около часа пополудни и довольно жарко. Я, должно быть, задремал.

Вдруг, словно во сне, я увидел лицо Клона, наблюдавшее за мной из-за косяка двери. Он посмотрел на меня, спрятал голову, и я услышал шепот. Дверь потихоньку затворилась, и снова воцарилась тишина.

Но я уже совершенно проснулся и стал рассуждать. Очевидно, обитатели дома желали удостовериться, сплю ли я и могут ли они считать себя в безопасности. Очевидно, также, что я должен

был воспользоваться этим и накрыть их. Поддавшись этому искушению, я осторожно встал с места и, наклонившись так, чтобы меня не было видно из-за подоконников, пробрался к восточному крылу здания мимо высокого тисового забора. Здесь царила та же тишина; никто не шевелился. Тщательно озираясь вокруг, я обошел около дома — в направлении, обратном тому, которое приняла вчера мадам, — и добрался до конюшен. Едва я остановился на секунду, как со двора вышли двое. Это были мадам и привратник.

Выйдя наружу, они остановились и стали смотреть вверх и вниз. Затем мадам сказала что-то слуге, и последний кивнул головой. Оставив его там, где он стоял, она быстрой, легкой походкой перешла через лужайку и скрылась между деревьями.

Я тотчас решил последовать за нею, и так как Клон повернулся назад и опять вошел во двор, то я мог тут же привести свой план в исполнение. Низко наклоняясь между кустов, я пустился бегом к тому месту, где мадам вступила в лес. Здесь я нашел узкую тропинку и тотчас различил впереди, между деревьями, серое платье госпожи де Кошфоре. Теперь я должен был держаться по возможности дальше от нее и никоим образом не давать ей заметить, что за нею следят. Раз или два она оглянулась, но мы были в густой буковой роще;

свет, проходивший сквозь листву, напоминал скорее сумерки, а моя одежда была темного цвета. Выгода, таким образом, была на моей стороне, лишь бы только я не терял мадам из виду и в то же время держался настолько далеко от нее, чтобы она не слышала звука моих шагов.

Уверенный, что она идет на свидание с мужем, которого мое присутствие удерживало вдали от дома, я чувствовал, что развязка близка, и с каждым шагом мое возбуждение возрастало. Мне было неприятно шпионить за этой женщиной; я чувствовал к этому какое-то злобное отвращение. Но чем более я ненавидел свою задачу, тем более мне хотелось покончить с нею, успешно выполнить ее, уйти отсюда и забыть обо всем. Достигши опушки буковой рощи и выйдя на маленькую прогалину, она как будто замедлила шаги. Я удвоил свою осторожность. Здесь, думал я, должно произойти свидание, и я ожидал с минуты на минуту увидеть самого господина де Кошфоре, выходящего из чащи.

Но его не было, а она опять ускорила шаги. Пройдя через прогалину, она вступила в широкую аллею, прорезанную в низких, густых порослях ольхи и карликового дуба. Поросли были так густы и так перевиты ползучими растениями, что ветви образовали по обеим сторонам аллеи сплошные стены в двадцать футов вышиной.

Она направилась по этой аллее, а я стоял и провожал ее глазами, не осмеливаясь последовать за нею. Аллея тянулась по прямой линии на четыреста или пятьсот шагов. Войти в нее значило быть тотчас замеченным, если бы она вздумала обернуться; пройти же сквозь самую чащу леса было решительно невозможно. Я стоял неподвижно, и мое бессилие грызло мне сердце. Казалось, прошла целая вечность, пока она достигла конца аллеи, но тут она сразу повернула направо и исчезла из виду.

Я не ждал более и, путившись бежать со всех ног, углубился в зеленую аллею. Солнце ярко освещало ее, густая листва по обеим сторонам не пропускала ветерка, и я от жары и быстрого бега страшно вспотел. Немногим более чем в минуту я добежал почти до конца аллеи. Шагах в пятидесяти от поворота я остановился и, осторожно пробравшись вперед, заглянул в ту сторону, куда повернула мадам.

Я увидел перед собой другую аллею, как две капли воды похожую на первую, а в расстоянии полутора шагов от меня — серое платье госпожи де Кошфоре. Я остановился, перевел дух и проклял лес, жару и осторожность мадам. Мы, наверное, прошли уже целую милю или, по крайней мере, три четверти мили. До каких же пор это будет продолжаться? Меня начинал разбирать гнев. Ведь

всему есть предел! Наконец этот лес мог тянуться до самой Испании!

Вдруг она опять повернула в сторону и исчезла, и мне пришлось повторить свой маневр. Теперь уже, думал я, дело примет другой оборот. Но мои ожидания были напрасны. Новая зеленая аллея открылась передо мною с теми же высокими прямыми и непроницаемыми стенами. На середине аллеи я опять увидел фигуру мадам — единственный движущийся предмет. Я остановился, подождал некоторое время и затем опять пошел дальше, с тем, чтобы опять увидеть, как она повернула в новую аллею, более узкую, но во всех других отношениях сходную с предыдущими.

И так продолжалось еще, наверное, с полчаса. Мадам поворачивала то направо, то налево. Лесной лабиринт был нескончаем. Несколько раз мне казалось, что она сбилась с дороги и сама не знает, куда идти. Но ее неизменная, решительная походка, ее размеренный шаг доказывали определенную цель. Я заметил также, что она ни разу не оглянулась назад и очень редко смотрела по сторонам. Одна из аллей, по которым она проходила, была устлана не зеленой травой, а серебристо-блестящими листьями какого-то ползучего растения, так что издали почва блестела, точно поверхность реки при заходе солнца. Когда

она вступила на эту аллею, ее лицо, обращенное к солнцу, ее высокая фигура в сером платье производили впечатление такой чистоты и благородства, что я был поражен: она показалась мне каким-то неземным созданием. Но через миг я презрительно засмеялся над самим собою — и при следующем повороте получил свою награду. Она остановилась и села на пень, лежавший поперек аллеи.

Некоторое время я оставался в засаде, наблюдая за нею, но с каждой минутой мое нетерпение росло. Затем у меня появились странные мысли, странные сомнения. Зеленые стены темнели. Солнце опускалось за горизонт; белая снеговая вершина, видневшаяся за десятки миль и замыкавшая перспективу аллеи, вспыхнула розовым светом.

Наконец, когда мое нетерпение достигло уже высшей степени, она встала и более медленно пошла вперед. Я, как всегда, подождал немного, пока она не скрылась за первым поворотом. Тогда я поспешил за нею, осторожно обошел поворот — и очутился лицом к лицу с нею!

В одно мгновение, быстрее молнии, я понял все. Она обманула меня, она одурачила меня, она умышленно завлекла меня. Ее лицо было бледно, глаза сверкали, вся ее фигура дрожала от гнева и презрения.

— Ах вы, шпион! — закричала она. — Ищейка! И вы — дворянин! Мой Бог, если вы действительно принадлежите к нашей партии, а не к числу этих каналов, мы вам когда-нибудь отплатим за все это. Мы сведем с вами счета в свое время. Я не знаю, — продолжала она, и каждое ее слово точно хлестало меня по лицу, — более низкого и подлого человека, чем вы!

Я пробормотал что-то, — я сам не знаю, что. Ее слова жгли меня, — жгли мое сердце. Будь она мужчиной, она не осталась бы в живых.

— Вы думаете, что вы меня обманули вчера, — продолжала она, понизив голос, и тем давая еще более сильное выражение своему гневу, своему негодованию, своему презрению, от которого дрожали ее губы. — Интриган! Глупый обманщик! Вы думали одурачить женщину, а теперь сами попались впросак. Дай Бог, чтобы у вас хватило стыда хоть для раскаяния! Вы говорили о Клоне, но Клон по сравнению с вами кажется самым безупречным, самым честным человеком.

— Мадам! — закричал я хриплым голосом, и я знаю, что мое лицо приняло пепельно-серый цвет, — нам нужно объясниться друг с другом.

— Боже меня избави! — воскликнула она. — Я не желаю пятнать себя объяснением с вами.

— Стыдитесь, мадам, — ответил я дрожащим голосом. — Ведь вы — женщина. Мужчине это

стоило бы жизни!

Она презрительно засмеялась.

— Отличные речи, — сказала она. — Я не мужчина, и если вы мужчина, то слава Богу! И вы ошибаетесь, называя меня мадам. Мадам де Кошфоре находится теперь, благодаря вашему отсутствию и вашей глупости, в обществе своего мужа. Надеюсь, что это возбудит в вас досаду, — добавила она, сжимая свои белые зубки. — Надеюсь, что это поощрит вас к дальнейшему шпионству и дальнейшей подлости, господин Мушар¹, то есть я хотела сказать, господин де Мушар!

— Вы — не мадам де Кошфоре? — воскликнул я, от этой неожиданности забыв весь свой стыд и всю свою ярость.

— Да, мосье, — злобно ответила она. — Я не мадам де Кошфоре. И позвольте мне заметить вам, что я никогда не называла себя ею. Мы очень неохотно говорим неправду. Вы сами обманули себя так искусно, что нам не было надобности дурачить вас.

— А мадемуазель, значит... — пролепетал я.

— Она и есть мадам! — воскликнула она. — Совершенно верно! А я мадемуазель де Кошфоре. И

¹ Mouchard — шпион.

в качестве таковой я покорнейше прошу вас избавить нас от дальнейшего знакомства с вами. Когда мы встретимся снова... то есть, если мы встретимся, от чего, Боже, избави нас, то не смейте говорить со мною, иначе я прикажу своим слугам высечь вас. И не позорьте нашего крова своим дальнейшим пребыванием под ним. Можете ночевать сегодня в гостинице. Пусть не говорят, — гордо продолжала она, — что даже за предательство Кошфоре отплатили негостеприимством, и я отдам соответственные приказания. Но завтра ступайте назад к своему господину, как избитый щенок. Шпион!

С этими словами она оставила меня. Мне хотелось сказать ей что-нибудь, — мне кажется, я нашел бы в своем сердце слова, которые заставили бы ее остановиться и выслушать меня. Я был, наконец, сильнее ее и мог бы сделать с нею, что угодно. Но она так бесстрашно прошла мимо меня, словно мимо какого-нибудь придорожного калеки, что я окаменел. Не глядя на меня, не оборачивая головы, чтобы удостовериться, иду ли я за нею или остаюсь на месте, она быстро пошла назад, и скоро деревья, тень и надвигающийся сумрак скрыли ее от меня, и я остался один.

Глава 5. Месть

Я остался один, но злоба душила меня. Если бы эта женщина ограничилась одними упреками или, обратившись ко мне в момент моего торжества, наговорила все то, что мне пришлось выслушать в минуту своего поражения, я бы еще мог это перенести. В каких выражениях она ни стыдила бы меня, я подавил бы свой гнев и простил бы ее.

Но теперь я стоял один в надвигавшихся сумерках, осмеянный, одураченный, уничтоженный, — и кем? Женщиной! Она противопоставила моей осторожности свою хитрость, моей опытности — свою женскую волю и одержала надо мной победу. А в заключение она еще насмеялась надо мной. Думая обо всем этом и представляя все более или менее отдаленные последствия этого эпизода, и в особенности то, что теперь все мои дальнейшие попытки сделались невозможными, я начинал ненавидеть ее. Она обманула меня своими грациозными манерами и величавой улыбкой. Что сделал я такого, на что не согласился бы всякий другой? Мой Бог, — теперь я уже ни перед чем не остановлюсь! Она будет жалеть о произнесенных ею словах! Она будет еще валяться у моих ног!

Как ни велика была моя злоба, спустя какой-нибудь час ко мне вернулось мое самообладание. Но это было ненадолго. Когда я

пустился в обратный путь, мною вновь овладела ярость, потому что я не мог выпутаться из лабиринта аллей и тропинок, в которые она завлекла меня. Целый час блуждал я по лесу, и, хотя я прекрасно знал, в каком направлении нужно искать деревню, я нигде не видел тропинки, которая бы вела туда. То и дело я натыкался на чащу, совершенно преграждавшую дальнейший путь, и в такие минуты мне казалось, что я слышу из-за кустов ее смех. Стыд и бессильная злоба лишали меня рассудка. Я падал в темноте и с проклятием поднимался на ноги; я царапал себе руки о шипы и колючки; я рвал и пачкал свою одежду, которая и без того находилась в незавидном состоянии. Наконец, когда я уже почти готов был подчиниться судьбе и провести ночь в лесу, я увидел вдали огонек. Весь дрожа от гнева и нетерпения, я бросился по этому направлению и несколько минут спустя стоял на деревенской улице.

Освещенные окна гостиницы виднелись в пятидесяти шагах, но самолюбие не позволило мне явиться туда в таком виде. Я остановился и начал чистить и приводить в порядок свою одежду, стараясь в то же время принять по возможности спокойный вид. Лишь после этого я подошел к двери гостиницы и постучался. Тотчас послышался голос хозяина:

— Войдите, сударь!

Я поднял щеколду и вошел. Хозяин был один и, сидя на корточках у очага, грел себе руки. На угольях кипел черный горшок. При моем появлении хозяин приподнял крышку горшка и заглянул в него. Затем он обернулся и молча устремил на меня взор.

— Вы ожидали меня? — вызывающим тоном спросил я, подходя к очагу и ставя на него один из своих промокших сапог.

— Да, — коротко ответил он. — Я знал, что вы сейчас придете. Ваш ужин готов!

При этих словах он насмешливо улыбнулся, так что я с трудом сдержал свою злобу.

— Мадемуазель де Кошфоре сказала вам? — промолвил я равнодушным тоном.

— Да, мадемуазель... или мадам, — ответил он, опять ухмыляясь.

Значит, она все рассказала ему: куда она завела меня и как одурачила! Она сделала меня посмешищем всей деревни! У меня заклокотала кровь в жилах и, глядя на смеющееся лицо этого идиота, я невольно сжал кулаки.

Он прочел угрозу в моих глазах и, вскочив на ноги, положил руку на кинжал, торчавший у него за поясом.

— Не начинайте опять, мосье! — закричал он на своем грубом патуа. — У меня еще до сих пор болит голова. Но попробуйте теперь поднять на

меня руку, и я проткну вас, как поросенка!

— Садитесь, дуралей! — ответил я. — Я не стану трогать вас. Где ваша жена?

— Она занята.

— Кто же подаст мне ужин?

Он нехотя двинулся с места и, достав тарелку, положил туда немного похлебки и овощей. Затем он вынул из шкафа черный хлебец и кружку вина и также подал их на стол.

— Ужин вас ждет, — лаконически сказал он.

— Довольно жалкий ужин, как я вижу, — заметил я.

При этих словах он вдруг распалился необычайным гневом. Опершись обеими руками о стол, он приблизил к самому моему носу свою морщинистую физиономию и налитые кровью глаза. Его усы вздрагивали, борода тряслась.

— Послушайте! — закричал он. — Будьте и этим довольны! У меня есть свои подозрения, и, если бы не строгий приказ госпожи, я бы вместо ужина угостил вас кинжалом. Вы ночевали бы не в моем доме, а на улице, и никто об этом не печалился бы. Будьте же довольны тем, что для вас делают, и держите язык за зубами. Завтра, когда вашей ноги не будет в Кошфоре, можете ворочать им, сколько хотите.

— Рассказывайте вздор! — сказал я, но, признаюсь, на душе у меня было немного

неспокойно. — Кому угрожают, тот долго живет, бездельник вы этакий!

— В Париже, — многозначительно заметил он, — но не здесь, мосье.

При этих словах он выпрямился и, внушительно тряхнув головой, вернулся к огню. Мне ничего не оставалось, как пожать плечами и приняться за еду, делая вид, что я позабыл о его присутствии. Дрова на очаге едва дымились, не давая никакого света. Жалкая масляная лампа, стоявшая посредине комнаты, еще резче оттеняла окружающий мрак. Низенькая комната со своим земляным полом была пропитана дымом и затхлостью. Во всех углах висели вонючие, грязные платья. Я невольно вспомнил о Кошфоре, об изящно убранном столе, о сельской тишине и горшках с благоухающими растениями, и, хотя я был слишком старый солдат, чтобы есть без аппетита немытой ложкой, тем не менее такая перемена была для меня чувствительна и увеличивала мой гнев. Хозяин, который украдкой следил за мною, должно быть, прочитал мои мысли.

— Поделом вору и мука, — пробормотал он, презрительно усмехаясь. Посади нищего на коня, и он поедет... обратно в гостиницу.

— Повезливей, пожалуйста! — огрызнулся я на него.

— Вы кончили? — спросил он.

Не достаивая его ответом, я поднялся с места и, подойдя к огню, стащил с себя свои сапоги, которые были мокры насквозь. Хозяин проворно убрал в шкаф остатки вина и хлеба и затем, взяв тарелку, вышел через заднюю дверь, оставив последнюю полуоткрытой. Проникший в комнату сквозной ветер заколыхал пламя светильника, отчего грязная, жалкая трущоба получила еще более непривлекательный вид. Я сердито поднялся с места и направился к двери, чтобы захлопнуть ее.

Но, достигши порога, я увидел нечто такое, что заставило меня опустить уже поднятую руку. Дверь вела в маленькую пристройку, которую хозяйка употребляла для мытья посуды и тому подобных надобностей. Я был поэтому несколько удивлен, заметив там в эту пору свет, и еще более удивился, когда увидел, чем была занята хозяйка.

Она сидела на грязном полу сарая, перед потайным фонарем, а по обе стороны ее лежали две громадные кучи всякого мусора и тряпья. Она выбирала вещи из одной кучи и перекладывала их в другую, встряхивая и осматривая каждый предмет, перед тем, как положить его, и проделывала это с таким старанием, с таким терпением и настойчивостью, что я стал в тупик. Некоторые из этих предметов — обрывки и тряпки — она держала на свет, другие ощупывала, третьи буквально рвала на клочки. А ее муж все это время

стоял подле нее, жадным взором следя за нею и продолжая держать мою тарелку в руке, словно странное занятие жены очаровало его.

Я тоже, наверное, с полминуты стоял, не сводя с нее глаз, но затем хозяин, оторвав на мгновение свой взор от жены, заметил меня. Он вздрогнул и быстрее молнии задул фонарь, оставив сарай в полной темноте.

Я, смеясь, вернулся к своему месту у очага, а он последовал за мною с лицом, черным от ярости.

— Послушайте! Нет, послушайте! — воскликнул он, наступая на меня. Разве человек не может делать у себя в доме, что ему угодно?

— По-моему, может, — спокойно ответил я, пожимая плечами. — Точно так же, как и его жена. Если ей приятно перебирать по ночам грязные тряпки, это ее дело.

— Шпион! Собака! — кричал он с пеной бешенства на губах.

Внутренне я тоже кипел от ярости, но не в моих интересах было затевать ссору с ним, и потому я лишь прикрикнул на него, чтоб он не забывался.

— Ваша госпожа дала вам приказания, — презрительно сказал я. Исполняйте же их.

Он плюнул на пол, но потом, видимо, опомнился.

— Вы правы, — сердито ответил он, — К

чему выходить из себя, когда все равно завтра в шесть часов утра вы уедете отсюда. Вашу лошадь прислали сюда, а ваши вещи наверху.

— Я пойду туда, — сказал я, — чтобы не быть в вашем обществе. Посветите мне!

Он нехотя повиновался, а я, радуясь возможности избавиться от него, стал подниматься по лестнице, все еще недоумевая, чем это могла заниматься его жена и отчего он так разъярился, увидев меня у дверей. До сих пор он еще не мог угомониться. Он посылал мне вслед самые отборные ругательства, а когда я влез на свой чердак и захлопнул дверь, он стал кричать еще громче, чтобы я не забыл уехать в шесть часов, — и так он бесновался до тех пор, пока не выбился из сил.

Вид моих пожитков, которые я несколько часов тому назад оставил в Кошфоре разбросанными по полу, по-настоящему должен был бы опять рассердить меня. Но у меня просто уже не было сил. Оскорбления и неудачи, которые выпали мне на долю в этот день, сломили, наконец, мое присутствие духа, и я смиренно стал укладывать вещи. Я, конечно, жаждал мести, но обдумать план и время ее можно было и на следующий день. Далее шести часов утра моя мысль вперед не простиралась, и если в чем я чувствовал недостаток, то это в бутылочке доброго